

## Почерк, орфография, смысл

**Васильев К. Б.,**

главный редактор издательства «Авалонь»,

[avalon-edit@yandex.ru](mailto:avalon-edit@yandex.ru)

**Аннотация:** Автор статьи, филолог, рассуждает о том, что определённая часть так называемых мудрых высказываний и афоризмов — не более чем банальности, и какие-то из них, считающиеся неоспоримыми истинами, не имеют смысла и являются ложными утверждениями, например, хорошо известные «Нет правила без исключения» и «Исключение подтверждает правило». Взяв за основу высказывание Ганди «Плохой почерк — признак недостаточного образования», автор высказывает свою точку зрения: тщетны усилия педагогов научить чему-либо, включая чистописание и правописание, если ученик не имеет природных способностей к указанным предметам. Утверждается приоритет смысла во всех видах высказываний, включая философские. Автор, приводя примеры из переводных произведений, таких как «Автобиография» Ганди и очерк Оскара Уайльда «Упадок лжи», доказывает, что иностранные писания неизбежно доходят до русского читателя с мелкими или значительными искажениями, и чем сложнее излагал автор свои идеи в подлиннике, тем труднее донести их до потомков через ряд переводов; в качестве примера приводятся некоторые философские взгляды Спинозы в изложении Фейербаха и в переводе с немецкого языка на русский.

**Ключевые слова:** афоризмы, отвлечённые понятия, почерк, Махатма Ганди, школьное обучение, правописание, Спиноза, Фейербах, смысл, «Опыт о человеке».

### 1

Перелистывая очередную подборку *крылатых выражений* и *мудрых мыслей*, народных и авторских, мы обнаруживаем, что значительную долю составляют банальности. Изобилуют заезженные поговорки, друг другу противоречащие или одна другую опровергающие. Повторяются давние остроты, тонкость которых не улавливает или не оценивает по достоинству потомок. Некоторые фразы содержат игру слов, подчас забавную, но забавностью всё и ограничивается. Мы возьмем в занудных поучениях о праведности и добродетели, которые дошли до нас через столетия и даже тысячелетия от дряхлых старцев и скопцов; они, старцы и скопцы, утратившие способность удовлетворять плотские желания, глядя на молодёжь, жаждущую, как сказал бы Пушкин, *своенравно скакать в поле гладком и широком*, мучились бессильной завистью или раздражались до злобы и придумывали бесчисленные душеспасительные назидания, дабы с помощью оных держать в стойле, на привязи, в узде и с шорами на глазах отроков — ретивых жеребцов, бьющих нетерпеливо копытом, и особенно отроковиц, чтобы те сидели целый день взаперти, избегая мирских соблазнов и сберегая для будущего законного супруга своё девство.

Некоторые *крылатые* высказывания, туманные по смыслу или смысла не имеющие, являются набором звучных слов. Они воздействуют на слух и, не проникая глубоко в сознание, будоражат своим совокупным звучанием наши чувства, как их будоражит музыка.

В подобных сборниках немало вроде как умных фраз, которые, однако, не раскрывают суть какого-либо явления, не проникают в основу людских поступков и взаимоотношений, не высвечивают ту или иную сторону человеческой деятельности. Они не являются афоризмами. Афоризм, как я понимаю, отличается от остальных речений глубиной содержания и краткостью формы. Правда, кто-то при определении афористичности содержанием пренебрегает, довольствуясь краткостью и выразительностью.

По каким показателям отсеивать плевелы, оставляя зёрна, и с каким мерилom приступать к отбору неоспоримых перлов? Проще говоря, что считать мудрым? Имея дело с настоящими зёрнами и перлами, то есть жемчужинами, мы с помощью зрения и осязания, прибегая к измерению и взвешиванию, рассортируем их по размеру и качеству, назначим каждому сорту соответствующую цену в рублях, мы отбросим плевелы, отбракуем заодно гниль и лом. Но мы никогда не придём к соглашению по поводу того, как определять наличие или степень мудрости — понятия отвлечённого. Давайте, по крайней мере, согласимся, что человек не становится мудрым благодаря многолетней учёбе. И мудрость не созревает по мере чтения и не достигает полной зрелости после прочтения всех капитальных книг, написанных признанными любомудрами.

Наличие густой лицевой растительности, чуть ли не обязательной для звания мудреца, тоже не указывает на великий ум; в этом я согласен с народным речением: «Мудрость в голове, а не в бороде». Однако я не соглашаюсь, когда мне приводят со значительным видом народную поговорку: «Лжи много, а правда одна» — доказывая, что правда обладает неоспоримым преимуществом и всегда торжествует над ложью. Я вижу в поговорке безличное предложение, основу которого составляют два отвлечённых существительных, *ложь* и *правда*, за которыми стоят отвлечённые понятия, и нет ни малейших оснований утверждать, что одно из понятий количественно или качественно отличается от другого. Правды не может быть больше или меньше, чем лжи, никто не сумеет определить и доказать количественные различия, используя аршины, пуды или иные единицы измерения. Правду нельзя поставить впереди, выше или ниже лжи, ибо она не длиннее и не короче, не занимает больше или меньше объёма, ей не присвоен порядковый номер в каком-то нормативном документе. Правда и ложь одинаковы с точки зрения пользы, вреда или выгоды. Правда не лучше и не хуже лжи, все оценки субъективны. С таким же успехом, вернее, столь же необоснованно я могу провозгласить, поменяв местами существительные в исходной фразе, что правды много, а ложь одна.

Пытаясь вникнуть в долгие рассуждения Платона или Аристотеля о правде, добре, добродетели, мудрости и благе, я никак не могу уловить суть, и оказываются напрасными мои ожидания услышать убедительные выводы и окончательные определения. Вздохнув сокрушённо, я откладываю мудрёные писания и вместо них перечитываю... Нет, не «Женитьбу Фигаро», как советовал пушкинский Моцарт своему другу Сальери на случай, если того одолеют *чёрные мысли*. Я открываю шекспировского «Гамлета» и перечитываю вторую сцену второго акта, где датский принц в какой-то момент изрекает, вернее, бросает по ходу разговора: «There is nothing either good or bad, but thinking makes it so». На мой взгляд, очень верное суждение: на свете нет хороших или плохих вещей, только человек считает что-то хорошим, что-то плохим.

После своего своего сокращённого переложения приведу литературный перевод М. Л. Лозинского: «Нет ничего ни хорошего, ни плохого; это размышление делает всё таковым».

Вроде бы не к чему придраться, и нужно ли, есть ли повод придраться? Однако у меня возникает ощущение, что переводчик, хотя он, скорее всего, понял смысл, не сумел выразить его должным образом. В первой части русского предложения два, даже три

идуших подряд отрицания, и мне трудно определить, что опровергается, что утверждается: «Нет ничего ни хорошего, ни плохого». Так есть ли хорошее и плохое или их нет? Мне кажется также, что *thinking* не является *размышлением*. Предаваясь размышлениям, мы какое-то время обдумываем, взвешиваем, сравниваем, потом выносим решение: это следует считать добром, а то злом. Шекспир имел в виду обыденное человеческое восприятие и нашу привычную оценку. В природе нет деления на положительные и отрицательные явления, не существует и сравнительного анализа, а человек сравнивает и оценивает на основе своих предпочтений: такая-то погода, такой-то климат хороший; такие-то места, например, болота и пустыни, плохие; какое-то одно время года лучше остальных.

Личные представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, зачастую расходятся с общественными. В заповедях нас предостерегают от воровства, называя его злодеянием; воровство занесено в уголовные кодексы как преступление, за которое предусмотрено наказание. Но какие-то члены общества искренне радуются и поздравляют друга друга с удачно проведённым ограблением: хорошо мы дело провернули, а плохим исходом было бы попасть в руки полиции. Если из награбленного какие-то суммы будут брошены нищим на паперти, опущены в церковную кружку на содержание старого храма или переданы на возведение нового, грабители даже возгордятся, считая, что проявили богоугодную щедрость, нищие будут им благодарны, как и священнослужители, подозревающие или знающие происхождение денежного пожертвования. Если украденные деньги, как это было в разгар революционной активности в России в начале двадцатого века, тратились на *правое дело* — на деятельность кружка или партии, замышлявшей свергнуть монархию, разрушить существующий государственный строй — с их точки зрения, *мир насилья*, то, опять же, преступники чувствовали себя героями, и какая-то часть общества не осуждала их, считая не ворами, а борцами за справедливость. Общие понятия подвержены колебаниям в зависимости от состояния общества; так, в советское время у нас сложилось и укоренилось мнение, даже уверенность в том, что в дореволюционной России деятельность правительства в любой период была направлена против народа, что аристократия и власти постоянно придумывали новые способы и методы, дабы усилить угнетение низов.

Критикуя переводчика Лозинского — в пределах одной фразы, — я должен признать, что, хотя высказывание в оригинале несложно по грамматике и лексике, я сам затрудняюсь предложить поэтический перевод, несложный по форме и точно передающий смысл. Передам ещё раз мысль Шекспира канцелярским слогом: представления о хорошем и плохом, понятия добра и зла существуют только в человеческом сознании. Посему *народная мудрость*, будто «Лжи много, а правда одна», является ложным утверждением и, не побоюсь этого слова, бессмыслицей.

Я чуть было не написал, что означенные представления и понятия являются атрибутами человеческого мышления, но вовремя спохватился: мышление и атрибуты мне лучше не трогать, дабы не оказаться профаном, рассуждающим о вещах, кои за пределами его разумения. В своё время я попытался *восполнить пробелы* в своём университетском образовании и, среди прочего, взялся читать Людвига Фейербаха, его «Историю философии»; знакомясь, с помощью Фейербаха, с философскими воззрениями Спинозы, я прочитал следующее: «Определения, выражающие сущность бога, или атрибуты, суть мышление и протяжение, в которые заключены все вещи. Поэтому все *отдельные вещи* не что иное, как *состояния* атрибутов бога или виды и способы, *выражающие* атрибуты бога известным образом...» Я сохранил добросовестно курсивы, которые присутствуют у Фейербаха, а именно в первом томе из трёхтомного собрания его сочинений, и я сохраняю написание *бог*, следуя оригиналу, то есть русскому переводу, напечатанному советским издательством «Мысль» в 1967 году, когда все так писали и печатали

означенное слово, а у Фейербаха оно, конечно, начиналось с прописной буквы: *Gott*, но не потому, что немецкий философ трепетно относился к имени божьему, а потому что в немецком правописании все существительные начинаются с *большой* буквы, так что и не определить, пишущий почитает что-то или не почитает, а Спиноза сочинял, как я понимаю, на средневековой латыни, используя, наверное, заглавные буквы, которых в классической латыни не существовало... Так о чём это я? В тексте, где Фейербах объясняет взгляды, изложенные Спинозой, если я не ошибаюсь, в его «Этике», говорится как раз о мышлении и атрибуте, но не мышление имеет атрибуты, оно само является атрибутом, выражающим сущность бога. Вообще, все вещи суть *состояния атрибутов бога*. Так, кажется?

Возвращаясь к высказыванию Шекспира из его «Гамлета», для меня понятному, в отличие от высказываний Спинозы, я готов признать, что Гамлет не сообщил нам что-то новое, Шекспир своими словами не перечеркнул старый и не утвердил новый подход к мировосприятию. По поводу того, что одобрительные и осуждающие оценки рождаются в человеческом сознании, говорили и до Шекспира, а те, включая меня, кто учился в высшей школе в советское время, имели чёткое объяснение В. И. Ленина из его работы «Марксизм и эмпириокритицизм» о том, что мышление продукт человеческого мозга: «Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и так далее, то есть от определённым образом организованной материи. Существование материи не зависит от ощущения. Материя есть первичное. Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи...» Я не напираю на первенство: кто первый сказал, кто второй, мне нравится, что Шекспир высказал суть коротко и складно.

Мало кто возьмётся спорить с Фейербахом, опровергать Спинозу или не соглашаться с Лениным, но, боюсь, многие воспримут с недоумением или даже примут в штыки мою точку зрения: нет необходимости, нет даже оснований, давая в философских словарях определения добру, злу, истине и любому другому отвлечённому понятию, делать объяснения в десятки раз длиннее тех определений, которые приводятся для тех же отвлечённых понятий в толковом словаре русского языка.

## 2

Есть ли польза в сборниках, о которых мы заговорили? Набитые фразами, в коих перлы едва отыскиваются в изобилии плевел, кому они нужны? Впрочем, я тут же снимаю свой вопрос, сообразив, что есть опасность подключиться и втянуться в многовековые дебаты по поводу ещё одного отвлечённого понятия — ибо польза, личная и общественная, сродни тем отвлечённым понятиям, которые только что были названы выше: правда, ложь, истина, добро, зло, добродетель, благо.

Кто-то находит удовольствие читать поговорки и пословицы, известные изречения и афоризмы, короткие и, согласимся, довольно часто складно составленные, как коллекционер перебирает любовно собранные монеты, почтовые марки, открытки или хоть разноцветные пуговицы. Какой-то гражданин, приобретая, читая сборник афоризмов, уверен, что припадает к *кладезю мудрости*, и, видимо, полагает, что по цитатам, не утруждая и не утомляя себя чтением полновесных книг, можно *присвоить ум чужой*; то есть, затвердив наизусть какое-то количество *умных* суждений и *непреложных* сентенций, ты поумнеешь или, по крайней мере, блеснёшь познаниями, когда на публике ввернёшь в свою речь какое-либо *крылатое* словцо.

Образное *присвоить ум чужой* взято мной из «Евгения Онегина». Пушкинский герой, повзрослев и несколько, грубо говоря, истаскавшись, взялся за самообразование; правда, он *читал, читал, а всё без толку*... Замечу по ходу дела, что когда-то человечество не знало книгопечатания; в более давние времена отсутствовала письменность, когда

люди ещё не додумались до того, чтобы изображать знаками звуки своей речи; но это не значит, что, будучи поголовно *неграмотными*, все были тупыми и глупыми и, совершенно ничего не читая, оставались всю жизнь ограниченными, неразвитыми, вообще умственно отсталыми. Сегодня все обучаются в школе, кроме среднего образования, получают и высшее, но это, опять же, не подразумевает, что человечество через умение писать и читать стало разумным и избавилось от природных звериных инстинктов и привычек. Ликвидировать безграмотность, то есть обучить всех азбучным началам, осуществимо: чтобы человек умел написать заявление о приёме на работу или, предположим, донос на соседа; чтобы он не смотрел, как баран на новые ворота, на таблички с названиями улиц и указатели, в какой стороне городской совет, кинотеатр или ближайшее отделение милиции; чтобы самому посчитать сдачу, которую дают ему кассиры в магазинах и столовых. Но невозможно *развить умственные способности* у каждого человека, тем более по общепринятой методе с её количественным подходом, с закачкой кубометров воды в сосуды ограниченного объёма, то есть в человеческие мозги: мол, чем больше предметов будет в школе и институте, чем больше сведений внедрить в мозг ученика, заставляя его заучивать и запоминать, тем умнее ученик станет.

Напомню, как у Пушкина буквально написано о попытках Онегина *поумнеть*. В какой-то момент, *томясь душевной пустотой*, он взялся за чтение:

Уселся он с похвальной целью  
Себе присвоить ум чужой;  
Отрядом книг оставил полку,  
Читал, читал, а всё без толку:  
Там скука, там обман и бред;  
В том совести, в том смысла нет...

Чтением занимался выдуманый персонаж, но, как мне кажется, оценку прочитанным книгам дал автор, не отстранившись достаточно от своего героя. Можно поверить, что Онегин заскучал, а вот критические отзывы даёт как будто Пушкин, который с детства много читал, книги любил, к написанному относился вдумчиво и оставил потомкам заметки о прочитанном. Это моё предположение, в общем-то, досужее, ибо в тексте прямо говорится о восприятии Онегин, он нашёл, что: «там скука, там обман и бред; в том совести, в том смысла нет». Предаваться *дивинациям* и *конъектурам*, излюбленному занятию текстологов и литературоведов, выискивать также что-либо между строк, утверждая, что мы занимаемся герменевтикой, давайте не будем, как и обсуждать скуку, совесть, обман и бред; нам хотя бы со смыслом разобраться — особенно в тех учениях и произведениях, *где его нет*.

Впрочем, не ставя сверхзадач, не дерзая постичь, предположим, философию Спинозы, мы ограничиваем себя отдельными высказываниями, единичными примерами из богатой коллекции афоризмов; мы видим, что некоторые из них, в том числе принадлежащие (или приписываемые) известным любомудрам, отнесённые к безусловным перлам мудрости, лишены смысла или же противоречат действительности. Дабы не показаться голословным, привожу примеры: к ложным относятся заявления — уверенные, прочно укоренившиеся в общественном сознании, — что «Исключение подтверждает правило» и «Нет правил без исключений». Часто звучит в виде неоспоримой, давно доказанной истины, что «Всё познаётся в сравнении», тогда как и эта сентенция, несмотря на *научное* звучание, вводит в заблуждение.

## 3

Особую статью составляют фразы неизвестного происхождения, приписываемые той или иной известной личности, и тем самым речению придаётся значительность и даже неоспоримость: это великий любомудр изрёк ещё в таком-то веке до нашей эры! К безродным относятся два только что прозвучавших *постулата* о правилах и исключениях. Очередной составитель, сам пребывающий в заблуждении, передаёт нам *по цепочке*, будто не кто иной, а Цицерон в одной из своих знаменитых речей заявил, что исключение подтверждает правило, и будто Рене Декарт вывел аксиому о познании всего через сравнение. Ни Цицерон, ни Декарт к означенным *перлам* отношения не имеют.

Если остановиться на *декартовском* положении, здравомыслящий человек, основываясь на житейском опыте, не согласится, что для изучения какой-либо вещи или для постижения какого-либо учения нам непременно требуется с чем-то их сравнивать. Предположим, вы решили попробовать незнакомый плод, с виду лакомый, *приятный для глаз*, как подумала когда-то библейская Ева, стоя под деревом, которое *даёт знание*, но, вкусив, вы тут же удостоверились *эмпирически*, что плод чрезвычайно кислый или горький; вы сморщились и выплюнули поскорей то, что откусили, — в силу вкусовой реакции, вовсе не потому, что, задействовав логическое мышление, вы осознали наличие кислоты или горечи по сравнению со сладостью в зрелом персике. Или вас потянуло ознакомиться, для поднятия своего интеллектуального уровня или для какой иной надобности, с манихейством... Возьму, однако, пример попроще, мне самому понятный: человек решил выучить иностранный язык, предположим, английский, в котором есть слова германского и романского происхождения. Ученика будет только сбивать с толку, если преподаватель или автор учебника постоянно проводит аналогии и заостряет внимание на сопоставлении: смотрите, английское существительное *bread* («хлеб») схоже с немецким *Brot*, они восходят к одному источнику, к такой-то прагерманской форме (домысленной каким-то кабинетным языкознатцем, предающимся бездоказательным конъектурам), а глагол *approve* («одобрять»), отметьте, заимствован из французского языка, где он в настоящее время имеет форму *approuver*.

Лингвист, увлекающийся сопоставлением, может, конечно, посвятить жизнь сравнительному языкознанию, но это любопытное занятие никогда не приведёт его к созданию стройной и строгой классификации, ибо он не минералы взялся систематизировать — неживые неизменные камни, которые, как я понимаю, представляется возможным после визуального и особенно после лабораторного исследования разложить по нумерованным коробочкам, разместить по полочкам в определённом порядке, снабдив наклейками с исчерпывающим описанием, одновременно составив таблицу, где для каждого минерала указаны химический состав, кристаллическая структура и какие-то другие характерные признаки. В языке, например, английском, форму *reading*, взятую саму по себе, можно считать причастием («читающий»), прилагательным («читальный») или герундием («чтение»), и невозможно определить, какая это часть речи, и как следует её понимать, пока мы не увидим *reading* в сочетании с другими частями речи.

Английские глаголы образуют прошедшее время с помощью окончания *-ed*. Запомнив общее правило, мы, отставив логику, не пытаюсь применить какие-либо сопоставительные методы, вынуждены заучивать по отдельности формы прошедшего времени у так называемых неправильных глаголов. Сравнение *take* («брать») с *make* («делать»), имеющих схожее написание, наталкивает на неверное предположение о том, что формы прошедшего времени у них будут похожи; но формы разные, и ученик должен просто заучить, если хотите, тупо зазубрить: первый неправильный глагол принимает

форму *took*, второй глагол форму *made* — зазубривать без оглядки на общее правило, применимое к правильным глаголам, и без сравнения с остальными неправильными глаголами.

Штудии в области сравнительно-исторического языкознания, особенно когда исследователь привлекает к своим рассуждениям мёртвые языки и гипотетический праязык, являются в значительной степени гаданиями — дивинациями, как предпочитают выражаться сами исследователи; означенные штудии приводят к спорным выводам и уж точно не имеют прикладного значения. Сравнительная лингвистика существует ради себя самой, она выстраивает схемы, в коих избыточны домысливания и натяжки.

Человек, если он не глухой с рождения, учится говорить на том языке, который слышит вокруг себя, не предаваясь теоретическому осмыслению, например, какие глаголы правильные, какие неправильные; он вообще не знает, что такое части речи, и, по большому счёту, он в таком знании не нуждается, и подобное знание не обогатит его и не осчастливит. Язык, заучиваемый ребёнком на слух, может оказаться диалектом небольшой общины, и не каждый носитель диалекта, повзрослев, способен перейти на так называемый нормативный язык; столь же трудно, в некоторых случаях невозможно избавиться от национального акцента — ибо устройство *речевого аппарата* разное у разных племён и народностей, особенно у тех, которые издавна отделились друг от друга и проживали в разных климатических условиях.

#### 4

Мы уже говорим о малоэффективности или даже бесполезности личных волевых усилий или стороннего влияния. Безрезультатные проявления воли мы наблюдаем у курильщика, который осознаёт вред курения, имеет искреннее желание избавиться от вредной привычки, но продолжает курить (впрочем, некоторые не желают избавляться и не стараются), а пример безуспешных педагогических стараний мы возьмём из того же «Евгения Онегина»: попытки Пушкина растолковать своему герою азы стихосложения не увенчались успехом:

Не мог он ямба от хорея,  
Как мы ни бились, отличить.

В современной школе бедные учителя прилагают тщетные усилия, *бьются*, объясняя школярам разницу между морфом и морфемой, — столкнувшись с задачей куда более сложной, нежели та, которую поставил себе Пушкин, ибо в двух стихотворениях, написанных двусложной стопой, можно отметить ударением (в пределах одной-двух строк) все ударные гласные, таким образом предоставляя визуальное доказательство: это ямбическая стопа, эта хореическая, тогда как морфема — чистейшей воды филологическая выдумка, плод фантастических умопостроений, никакими знаками или примерами не доказуемый... Вспомню старое время, когда я ходил в школу, где хватало заумностей, но до морфемы с морфами тогда ещё не додумались.

Перехожу на совсем простые вещи, перевожу разговор на чистописание, которое не требует умственных усилий, тут дело навыка, и, по идее, ожидаются отличные результаты. В младшем классе, видимо, в первом, нас учили по прописям правильному изображению каждой буквы. Мы начинали с того, что вырисовывали отдельные детали, заполняя ими целые строчки в особой тетрадке. Через какое-то время, *набив руку*, как говорил учитель, мы переходили к целым буквам, строчным и прописным. Не знаю, есть ли такой серьёзный и тщательный подход к чистописанию в сегодняшней школе... Работая над этим очерком, я выхватил из гущи умиленно-поучительных баек следующую фразу:

«Известно, что во времена Императорского Царскосельского лицея Александр Сергеевич Пушкин занимался каллиграфией восемнадцать часов в неделю». Поскольку сообщение начинается со слова *известно*, обыватель невольно желает примкнуть к людям сведущим и осведомлённым, он запоминает услышанное и, присоседившись таким образом к Пушкину и русской поэзии, с умным видом передаёт сведения ещё кому-то, и всем, узнавшим столь замечательный факт из жизни Пушкина, представляется лубочная картинка, на которой юный поэт, устроившись за письменным столом, усидчиво и прилежно заполняет тетрадную страничку буквами русского алфавита — строчка за строчкой, страница за страницей, *набивая руку*, и, доведя до совершенства изображение отдельных букв, он переходит к прописным фразам — вроде тех, которые писали мы: «Летом грозы, а зимой морозы», «Мама мыла раму», а до моего поколения школяры оттачивали почерк, выводя каллиграфически: «Мы не рабы, рабы не мы». И так в течение шести лет! Почему шести? Виноват, я перескочил с лицеиста Пушкина на никому не известных советских школьников. Я продолжаю о Пушкине — он учился в Царскосельском лицее почти шесть лет, и фраза об уроках каллиграфии, в том виде, в каком она передаётся от одного доморощенного *исследователя* пушкинской биографии к другому, наталкивает именно на такой вывод: поэт занимался каллиграфией по восемнадцать часов в неделю в течение всего срока учёбы, то есть посвящая ей ежедневно два-три часа.

При этом тон тех разглагольствований и содержание тех статей, в коих я обнаружил утверждение об усердных каллиграфических *экзерцициях* Пушкина, подталкивали к мысли, что каллиграфия — весьма необходимая школьная дисциплина, полезнейшее занятие, хорошо бы уделять ей столько же внимания, сколько ей уделялось в Царскосельском лицее во время пушкинского ученичества.

В школе от нас добивались, чтобы мы писали *правильно*. Добавлю, что нам также повторяли многократно, нам напоминали, чтобы мы выражали свои мысли просто и понятно. По идее, если не у всех, то у людей моего поколения, ходивших в школу в шестидесятые годы прошлого века, должен быть одинаковый безупречный почерк. И лицеист Пушкин, занимавшийся, как нас уверяют, каллиграфией по восемнадцать часов в неделю, наверно, *набил бы руку* до такой степени, что впоследствии наносил бы на бумагу все свои поэтические творения ровными строками из аккуратных букв и слов. Но у всех выпускников моей школы почерк был разный, у некоторых донельзя корявый. И Пушкин писал неровно, торопливо и неразборчиво, так что исследователи не могут вообще *расшифровать* некоторые места в его *скорописи*. Кто-то виноват? Никто. Пушкинские и наши учителя делали всё, от них зависящее, и ученики, обычно послушные и прилежные в раннем возрасте, проявляли старание и не противились наставлениям.

Педагогам не добиться, чтобы у подрастающего поколения был правильный почерк; тем более тщетны усилия научить младое племя постоянному осмыслению того, что они произносят и пишут. Способность *правильно выражать свои мысли* индивидуальна, как и почерк, не каждый означенной способностью наделён. Человек, который осмысливает свои слова, способный осмысливать, рассказал бы нам о Пушкине и каллиграфии по-иному: ознакомившись с учебной программой Царскосельского лицея, он сообщил бы нам, что в то время, когда в лицее учился наш прославленный поэт, в расписании было столько-то уроков каллиграфии по таким-то дням, столько то учебных часов в неделю, и мы бы приняли к сведению, что лицеистов обучали чистописанию, предположим, одну четверть, полгода... Ведь не все шесть лет они корпели над прописями, вырисовывая прилежно и тупо аккуратные букочки!



Взглянув на уродливый почерк иного человека, мы удивимся: ему же когда-то объясняли, как изображать буквы алфавита. Что важнее объяснений, его заставляли водить карандашом, затем пером, по линиям, отпечатанным в прописях, он имел возможность сверяться с трафаретами, ему давали время *набить руку*, наподобие тому, как столяры, краснодеревщики, жестянщики и другие мастера испокон веку заставляли подмастерьев для начала по шаблонам простыми движениями с помощью одной стамески или напильника вытачивать простенькие детали. Существовали и существуют правила, разработанные педагогами, не только насчёт самого чистописания, но и как школьник должен *подготовиться* к письму, какими пальцами сжимать ручку, как сидеть за партой, вплоть до расположения нижних конечностей: «Ноги ставь свободно и прямо всей ступнёй на подножку парты, а если подножки нет, то на пол». Давались и даются указания: «Пиши правильно, чётко и чисто. Буквы помещай точно между строчек. Промежутки между словами должны быть одинаковыми...» Согласимся, что писать на родном языке легче, чем различать ноты, выдувать из духовых и выбивать из ударных инструментов мелодию, но напрашивается вывод, что и писарское умение не каждому под силу: вы, друзья, как ни сжимайте ручку, как ни ставьте руки и ноги, как ни садитесь, всё в каллиграфы не годитесь!

В «Прописях», изданных в 1935 году для учащихся первого и второго класса, в качестве трафарета приводилось показательное написание фамилий: «Ленин. Сталин. Калинин. Молотов. Ворошилов. Каганович. Киров. Куйбышев». И что? Нет, ничего, я не вижу насилия над сознанием семилетнего ребёнка: он учится правильному письму, его задача — копировать буквы и слова, сверяясь с шаблонами, в данном случае не имеет значения, перечисляет ли он имена коммунистических вождей или выводит пёрышком: «Таёт снежок. Ожил лужок». Я приводил пример со столярами и жестянщиками, теперь предлагаю представить живописца, который обучает мастерству одного или нескольких учеников, и для начала он *натаскивает* их, заставляя снова и снова изображать черты человеческого лица и разные положения тела, он добивается совершенства, чтобы будущий художник с равным умением мог изобразить Христа и Иуду, царя Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим, и царя Ивана Васильевича, прозванного Грозным...

Поразмыслив, однако, я отказываюсь от своего первоначального снисходительного отношения, представив, что из-за Ленина и ему подобных — из-за их фамилий, внесённых в школьное пособие, в тридцатых годах могли произойти и, полагаю, имели место случаи, чреватые неприятностями как для школяров, так и для их учителей и родителей. Некоторые дети пишут с ошибками, даже имея перед глазами трафарет, даже после многократных упражнений с механическим повтором одних и тех же слов и фраз. Ребёнок по рассеянности, задумавшись о чём-то своём, детском, мог пропустить или поставить не ту букву в каком-то имени из перечисленных. Упражнения и диктанты закрепляют в сознании правильное написание, но не у всех и не так прочно, как хотелось бы, и некоторые ученички в проверочной работе пишут *карова* вместо *корова* — полагаясь на свою *слуховую память* и на своё негибкое разумение, и точно так они могли написать *Варашилов* вместо *Ворошилов*. Учитель, обнаружив такую ошибку, которая из грамматической грозила перерасти в политическую, должен был принимать меры, и лучшей мерой для учителя, наверно, было сделать вид, что он ничего не заметил, или, я уж не знаю, подчистить бритвочкой и самому исправить *карову*, простите, оставить *карову*, отметив красными чернилами как ошибку, а *Варашилова* подчистить до *Ворошилова*. Но вот приходит с проверкой инспектор из городского отдела народного

образования, устраивает диктант, и дети понаписали: кто *карова*, кто *Варашилов*, кто пропустил буковку в названиях *Ленинград* или *Сталинград*, так что получилось *Ленингад* и *Сталингад*... Теперь инспектора бросает в жар или в холод: как реагировать, кого винить? Что толку спрашивать с ученика! Следует написать докладную записку на преподавателя, не научившего советских школьников без единой помарки писать имена советских руководителей и названия городов, ими названными... их именами то есть... в честь их имён... то есть в честь их самих! Предположим, ты, инспектор, *закроешь глаза* на выявленную *политическую близорукость*, ну а вдруг окажется, что здесь вовсе не близорукость? Здесь, может, *вражеское вредительство*, заключающееся в том, что преподаватель специально подучивал детей насмехаться над *святыми* именами!

Во время моей учёбы — уже не в школе, а в университете, если возникала необходимость кратко и *убийственно* охарактеризовать состояние русского общества во второй половине XIX века (да и вообще в дореволюционной России), у нас имелись в качестве шаблона следующие слова из Некрасовских «Современников»: «Бывали хуже времена, но не было подлей». На выпады подобного рода, которые позволял себе Некрасов и другие литераторы *при царизме*, не решился бы ни один писатель после того, как царизм пал, и установилась так называемая *народная власть*. Правда, здесь нужно учитывать мою личную недостаточную осведомлённость о советских литераторах и их высказываниях. Хотя я учился на филологическом факультете, я знал далеко не всех советских поэтов и прозаиков, лучше сказать, писателей советского периода, так что я не могу судить уверенно, о чём все они писали и какие суждения высказывали. Некоторые писатели не были внесены в учебную программу, их произведения не продавались в книжных магазинах, они отсутствовали в библиотеках. Даже сведения об известных поэтах, провозглашённых пролетарскими, таких как Демьян Бедный и Владимир Маяковский, сообщались нам на лекциях в урезанном виде, и представление о них складывалось по учебникам, сработанным проверенными советскими литературоведами, рассуждавшими о художественном творчестве *с марксистско-ленинских позиций*. Кто-то из них, из писателей, существовавших, но преданных забвению по решению коммунистических властей, конечно, точно так думал, не мог не подумать про советское, особенно сталинское, время: за всю историю России не было ничего более подлого! Думая так, лучше было держать мысли при себе, а если хотелось печататься, изволь, вступай в Союз советских писателей, докажи своим поведением, своим участием в пропаганде коммунистических идей, что ты *настоящий советский человек*, и потом сочиняй смело и свободно для публикации в советской партийной газете или в советском партийном журнале вирши или прозу о советских *героях труда*, как они выращивают баснословные урожаи пшеницы, как они выплавляют в доменных печах рекордное количество чугуна, как они поют после трудового дня в компании верных друзей и преданных подруг, что широка страна твоя родная, много в ней лесов, полей и рек, и ты другой такой страны не знаешь, где так вольно дышит человек!

## 6

Говорят, что по почерку можно определить характер человека. Утверждают также, что никто не способен подделать безусловно чужую подпись; есть вроде бы редкие умельцы, наподобие тех, которые изготавливают искусно фальшивые денежные знаки или копируют картины известных живописцев, так что на вид не отличить от оригинала, но опытный специалист, тем более вооружённый современными приборами, обязательно установит, что документ подписан чужой рукой, как он выявляет подлог в случае с фальшивыми деньгами и с *липовыми* живописными полотнами.

Здесь я слышу замечание: не слишком ли долго автор очерка задерживает внимание на чистописании и почерке, не самых важных сторонах народного образования, художественного творчества и вообще человеческой жизни. Сегодня тем более это несущественная тема: люди, включая детей школьного возраста, быстро и ловко набирают тексты на любом электронном устройстве, используя стандартный, хорошо читаемый шрифт (один из сотен и тысяч существующих); все документы в наше время изготавливаются в печатном виде, не как раньше приходилось обращаться к писарю, сейчас от заявителя требуется расставить крестики или галочки в нужных графах на бланке и расписаться; переписка между частными лицами и учреждениями ведётся преимущественно по электронной почте, где чистописание не требуется; литератор, сочиняя новый роман, сразу набирает текст на компьютере, затем отправляет *рукопись* в редакцию, и материал, в принципе, уже не являющийся рукописным изделием, готов к вёрстке. Каллиграфией пусть, конечно, занимаются желающие — из любви к искусству, для успокоения расстроенных нервов, короче говоря, по личным соображениям, не навязывая своё увлечение другим. В конце концов, плохой почерк — ничто в сравнении с тем, что многие пишут с орфографическими ошибками, а кто-то, хотя ему объясняли это в школе на уроках географии, уверен, что не Земля вращается вокруг Солнца, а Солнце вокруг Земли. Вообще, корявый почерк не есть признак тупости, отсталости, безнравственности или преступных склонностей; и по большому счёту, для того, чтобы выращивать хлеб, строить дома, управлять машинами, лечить, торговать, заниматься иной общепольной деятельностью в любой отрасли, чистописание не требуется!

Я согласен. В виде оправдания расскажу: делая в своё время очерк «Как слово наше отзовётся», я разбирался, в силу чего тот или иной человек становится литератором, что заставляет его сочинять стихи или прозу, и не только сочинять, но предлагать плоды своего, так сказать, труда широкой публике, порой обнажая свою душу (или иные части человеческого телосложения) перед читателями, людьми посторонними, с такой откровенностью, на которую *нормальный* человек не решится в разговоре с близким другом или в общении с женой. Зная, что известные *мастера пера* были, как правило, далеко не мастерами каллиграфии, я собирался в начале очерка сказать два слова как раз об этом: не имеет значения, какой у тебя почерк, был бы талант, было бы интересно читать твои произведения, был бы смысл в твоих писаниях, не только литературных, но, добавлю, и филологических, исторических, философских. Пахарь, строитель, врач и инженер ценятся за знание своего дела, за умение и понятливость, а не за чистописание, и в качестве продолжения скажу: писатель с уж очень неразборчивым почерком отдавал свои, скажем так, каракули, копиисту, и тот переписывал их *набело*, а в новые времена, когда появились пишущие машинки, рукопись передавалась в издательство в машинописном виде или её печатала в редакции машинистка.

Так вот, я подыскивал уместные высказывания, касающиеся писательского труда, — для своих доказательств, которые сводились к тому, что литературное творчество, сочинение стихов и романов, прежде всего — непреодолимая страсть, графомания; как выразился А. П. Чехов: «Писательский зуд неизлечим». Во-вторых, испытание временем проходят произведения, написанные простым языком, ибо увлечение метафорами и прочими *фигурами речи*, обращение к аллегориям, закладывание скрытого смысла изначально ограничивают понимание со стороны читателя; круг читателей сужается и сужается по прошествии десятилетий и особенно столетий, непонимание приобретает такие размеры, что требуются многочисленные примечания и объяснения, и на какие-то вопросы будущие литературоведы способны ответить, на какие-то не способны, и они прибегают к конъектурам, дивинациям и интерпретациям, результат от которых порой тот же, как если вы водите вилами по воде. Произведение, в том числе философский труд, исследующий мироустройство и миропонимание, должен быть

понятен любому, почти любому читателю, даже не имеющему среднего или высшего образования: ведь ему предлагают рассказ об окружающем мире, частью которого он является, об отношениях в человеческом обществе, к которому он принадлежит, а не учебник по ядерной физике или исследование по квантовой механике.

Для уверенности в своих рассуждениях, дабы найти поддержку у признанных *гигантов мысли*, я обратился к тем самым сборникам всяческих мудрых высказываний — отыскивая то, что согласуется с моими установками: первостепенность смысла, простота изложения, понимание, желательно полное, со стороны читателя. Мне попало известное высказывание из «Алисы в Стране чудес», принимаемое за афоризм: «Take care of the sense and the sounds will take care of themselves» — то есть следует заботиться о смысле, а звуки сами позаботятся о себе. Здесь говорится о нужном мне понятии, то есть о смысле, но само предложение является бессмыслицей. Льюис Кэрролл обыгрывает поговорку: «Take care of the pence and the pounds will take care of themselves» — это житейский совет беречь пенсы, тогда сберегутся фунты (стерлингов). Английское речение становится совсем понятным, когда мы приводим русское соответствие: «Копейка рубль бережёт». Подмечено, на мой взгляд, верно: мы идём на мелкие траты денег, отдаём бездумно копейки (за дешёвые вещи, не всегда нужные), нам не жаль расставаться с маленькими суммами, потом мы спохватываемся, что уменьшилась, а то и истощилась имевшаяся у нас крупная сумма.

Льюис Кэрролл заменил *pence* («пенсы») на созвучное *sense* («смысл»), и *pounds* («фунты») на созвучное *sounds* («звуки»). Зачем? Ради забавы, изощряясь в словесных играх, не более того. Каламбур звучит как поговорка с каким-то *глубоким содержанием*, и предпринимаются неуклюжие попытки это содержание выявить: есть любители усматривать серьёзное в шутовском, изобретать сложные способы для открытия ларчика, вместо того, чтобы просто поднять его крышку, и означенные особы обнаруживают чуть ли не в каждом высказывании, и особенно в старинных писаниях, *тонкие намёки на то, чего не ведают никто*. Но, повторяю, мы имеем дело с бессмыслицей, одной из многих, которые украшают «Алису в Стране чудес», они являются частью сказочных несуразиц и нелепостей, на которых *держится* произведение.

После шутовской словесной нелепицы, придуманной Кэрроллом на основе английской поговорки, я натолкнулся на следующее изречение: «Плохой почерк — признак недостаточного образования». Сия сентенция исходила от Махатмы Ганди, и судя по ней, означенный государственный деятель и мыслитель серьёзно относился к чистописанию — в отличие от меня с легковесным подходом: мол, пусть каждый пишет в соответствии со своими способностями. А другому не даётся грамматика, у третьего не хватает памяти, чтобы заучить таблицу умножения; у нас в школе были уроки пения, мы разучивали и исполняли хором песни, нас познакомили с нотными знаками, но у меня как не было музыкального слуха, так он и не появился, я как не умел, так и не могу исполнить самую простую песенку. У кого-то из моих одноклассников на уроках физкультуры не хватало сил подтянуться на перекладине нужное количество раз, они так и не выполнили *нормативы* по прыжкам в длину и высоту. Значит ли это, что у меня и у них недостаточное образование?

Мне подумалось: если великий человек, я имею в виду Махатму Ганди, считал важной такую мелочь и высказывался о таких мелочах — которые для него, оказывается, вовсе и не мелочи, то представляю, как бы он осудил моё скептическое отношение к необходимости иметь в школе так много учебных дисциплин, и вообще моё сомнение в том, что все члены общества обязаны тратить десять лет — детские годы, которые считаются лучшими, самыми счастливыми в жизни — на скучное *приобретение знаний* в стенах казённого учебного заведения.

Вот объяснение, почему я заговорил о пословицах, поговорках, известных речениях, вообще о *перлах* мудрости, и слова Ганди, обнаруженные в сборнике афоризмов, озадачили меня, посему я взялся рассуждать и, готов признать, завяз в рассуждениях о чистописании. Будучи известным государственным и общественным деятелем, Ганди признан во всём мире и великим мыслителем — полагаю, уже хотя бы потому, что он из Индии, которая в воображении европейцев издавна рисовалась страной не только баснословных богатств и сказочных чудес, но и средоточием чародеев и мудрецов, приобщившихся к некоей *высшей мудрости*, и отголоски этих сказок до сих пор будоражат обывательский ум. И не только обывательский. Бесцельное сидение у текущей реки с бесцельным созерцанием протекающей воды не только в Индии, но и за её пределами, в том числе в среде русских философов, признаётся философским мировоззрением.

Ганди высказался, на мой взгляд, несколько неопределённо, ибо под образованием можно понимать, во-первых, обучение, предоставляемое государством через сеть общеобразовательных школ; во-вторых, это знания и умения, приобретённые отдельным человеком, посещавшим какое-то количество лет учебное заведение, о чём свидетельствует аттестат, по окончании учёбы ему выданный. Хочется переспросить индийского мыслителя, назвавшего плохой почерк признаком недостаточного образования: кого считать виновным? Школу с её недостаточной программой обучения или недоросля, который недостаточно серьёзно относился к учёбе, к урокам, в частности, к чистописанию? Школа недодала или ученик недобрал?

Мне скажут, что я цепляюсь к словам. Разве непонятно, что Ганди имел в виду систему народного просвещения в целом, учителей в совокупности с учениками, и он обращался к властям и обществу: нужно с бóльшим вниманием относиться к образованию, улучшать его качество, повышать его уровень, расширять его и углублять... Начиная с чистописания и включая чистописание!

Про улучшение, повышение, расширение и углубление лично я с избытком наслушался в советское время: пропагандистская машина постоянно напоминала нам, как коммунистические власти на очередном историческом съезде коммунистической партии приняли очередные исторические решения по улучшению, повышению, расширению и углублению во всех отраслях советской экономики и, пребывая в постоянной заботе о благосостоянии советского народа, во всех сферах нашей жизни. Я не принадлежу к той части населения, которую приятно согревают чьи-то речи только потому, что в них звучит призыв к улучшениям и повышениям, и в случае с высказыванием Ганди я угадываю такой же восторг, по меньшей мере, положительный отклик, со стороны публики: как не согласиться и не порадоваться, когда общественный деятель заботится о народном просвещении, вплоть до того, чтобы обеспечить каждого аккуратным разборчивым почерком!

Далее мне представляется невольной обыватель известного типа: он бестолков во всём, начиная с домашних дел и семейных забот, но, не имеющий природных способностей к работе, пусть это всего лишь забить гвоздь в стену или приладить отвалившуюся дверную ручку, неумелый даже в исполнении чужих поручений и приказов, он высказывает уверенные суждения о политике и экономике, он даёт советы, как нужно и не нужно действовать правительству, он судит о медицине, обычно с неодобрением: врачи плохо лечат! — об образовании: учителя плохо учат! — о книгах, кинофильмах и выставках: пишут и показывают всякую ерунду! Сей обыватель — любитель сказок, в том числе о Светлом будущем, когда вдоль кисельных берегов потекут

молочные реки, и каждому, прежде всего, лично ему, можно будет, нигде не работая, набрать в магазинах всего *по потребности*, и потом лежать на печи и есть калачи. Я слышу рассуждения нашего обывателя: очень правильно сказал мудрый человек из Индии, желая сделать для народа хорошее обучение, в том числе почерк улучшить, потому что, посмотрите: я сам криво и косо пишу, ведь в школе нас кое-как учили, спустя рукава, и моя жена пишет, как курица лапой. И мои дети коряво выводят буквы, я уж их ругал, потому что стараюсь вывести их в люди, человеком сделать, и подзатыльники давал, чтобы они об учёбе больше заботились, но дочка всё равно никак не научится писать слово *корова*. А почему? Потому что обучение у дочки в школе плохо поставлено, преподавание у них хромает, не то что раньше, когда советское образование считалось лучшим в мире, и Советский Союз был самой читающей страной. И не только Ганди, вспомните, и Владимир Ильич Ленин давал наказ: «Учиться, учиться и учиться!» Раньше в каждой школе этот лозунг висел на стенке, а теперь не висит, поэтому дети разболтались, поэтому и образование стало никудышным!

Конечно, нет нужды искать логику в подобных выступлениях, ибо в голове у гражданина ералаш, который не представляется возможным упорядочить, и это его естественное восприятие и освещение событий: к рассказу о бузине в огороде он быстро приобщает воспоминания о дядьке в Киеве, и если задать ему вопрос про Ивана, он со знаем дела поведаёт вам про болвана. Для собственного спокойствия лучше не подступать к такому человеку с замечаниями: так вы за здоровье поёте или за упокой? И тем более не следует обзывать его неумным. Он ничуть не смутится, но оскорбится, и то, что вы потом услышите от него в свой адрес, сильно смутит вас.

## 8

Бывает, что фраза, попавшая в разряд *крылатых*, имела в тексте из связанных по смыслу предложений одно значение, но, взятая сама по себе, став, так сказать, *окрылённой*, она приобрела несколько иной смысл. Почему-то меня потянуло посмотреть и проверить, какими доводами руководствовался Махатма Ганди, придавая большое значение чистописанию, а не, скажем, арифметике или географии.

В книге «Моя жизнь», в главе «Детство», он рассказывает просто и искренне (вместо *искренне* я чуть было не написал *без стеснения*):

«Вероятно, я был весьма посредственным учеником. <...> Мне шёл тогда двенадцатый год. Не помню, чтобы я хоть раз солгал учителям или школьным товарищам. Я был очень робок и избегал общества детей. Единственными друзьями были у меня книги и уроки. <...> В первый же год моего пребывания в средней школе со мной произошёл случай на экзамене, о котором стоит рассказать. Инспектор народного образования мистер Джайльс производил обследование нашей школы. Чтобы проверить наши познания в правописании, он заставил нас написать пять слов, чтобы проверить, как у нас дела, в том числе слово *котёл*. Я написал это слово неправильно. Учитель, желая подсказать, толкнул меня ногой. Он хотел, чтобы я списал незнакомое слово у соседа. Но я считал, что учитель находится в классе для того, чтобы не давать нам списывать. Все ученики написали слова правильно. И только я оказался в глупом положении. Позже учитель пытался доказать мне, что я сделал глупость, но это ему не удалось. Я так и не смог постичь искусство *списывания*».

Ещё до сверки с подлинником я отметил неуклюжесть некоторых русских фраз. Если в учебное заведение явился инспектор из городского отдела народного образования, мы говорим, что он пришёл с проверкой, а не с целью *произвести обследование нашей школы*. Вряд ли инспектор *заставил* учеников писать пять слов, и, очевидно, он устроил не *экзамен*, а проверочную или контрольную работу, он продиктовал им пять слов, чтобы

выяснить, как они пишут. После проверки учитель пытался *доказать* мальчику, что тот *сделал глупость*. Наверно, не *доказать*, а *втолковать*. Но о какой глупости идёт речь? Преподаватель назвал глупостью его орфографическую ошибку или его непонятливость? Во время диктанта он *толкнул ногой* ученика, *желая подсказать*... Нет, сам учитель не решится на подсказку в присутствии инспектора, так что толчком ноги он намекал ученику, недоумливал: спиши у соседа!

В числе пяти слов был *котёл*. Учитель хотел, чтобы Ганди *списал незнакомое слово у соседа*. Почему незнакомое? Мальчик двенадцати лет не слышал о котлах? Наверняка слышал, только он не знал, как *слово пишется*. Мне стало любопытно, о каком предмете говорится в английском издании. В общем-то, снова отвлекаясь от темы, я, разыскав текст (английский, считая маловероятным, что русский перевод делался с оригинала на гуджаратском языке) и узнал, что Ганди написал с ошибкой слово *чайник* (конечно же, знакомое ему по каждодневному использованию в семье означенного кухонного сосуда): «One of the words was *kettle*. I had mis-spelt it».

Выше автор признавался в любви к книгам и урокам: «My books and my lessons were my sole companions». Мне всегда казалось, что человек скорее запоминает написание слов и расстановку знаков препинания благодаря чтению, по художественной литературе, начиная со сказок, нежели по школьным упражнениям. Но вот двенадцатилетний Ганди, любивший, по его словам, чтение, не запомнил, из каких букв складывается простое *kettle*. А если бы инспектор продиктовал что-то посложнее? В английском языке обилие слов, написание которых невозможно даже *угадать* по произношению; не будем выуживать термины из научных работ или образцы из *высокоинтеллектуальных* опусов, вспомним обычное английское наречие *enough* («достаточно») или часто употребляемое существительное *thought* («мысль») с его семью буквами на три звука.

Переводчик действительно неточно передал некоторые места в исповедальном произведении Ганди, по крайней мере, в тех отрывках, которые мы рассматриваем. Например, он выпустил, что ученики писали на грифельных досках (*slates*). Прочитав в переводе признание: «Я так и не смог постичь искусство *списывания*», мы додумываем, что подросток после досадного случая решил больше не стесняться и взялся *постигать* означенное искусство. Сравним с подлинником: «I never could learn the art of *copying*» — действительно, здесь использовано существительное *art*, которое, однако, не обязательно значит *искусство*, в данном случае идёт речь об *умении*. Честный и боязливый Ганди за *постижение* означенного умения не брался и на попытки не решался; по-русски в таком случае мы скажем проще: «Я так и не научился списывать».

Ганди сообщает, что остальные школьники написали продиктованные слова правильно: «All the boys, except myself, were found to have spelt every word correctly». Все, кроме него. Он признаётся: «Only I had been stupid», то есть он оплошал, опростоволосился, сплеховал, осрамился. Не так, как в переводе, будто он *оказался в глупом положении*.

## 9

Ганди не мог написать правильно *чайник*. По этому и по другим воспоминаниям можно сделать вывод, совпадающий с его собственным признанием: «Вероятно, я был весьма посредственным учеником». В подлиннике: «I could have been only a mediocre student». Действительно, с помощью *could have been* высказываются предположения: *вероятно, наверно, может быть, возможно*. Но в русском переводе наречием *весьма* усиливается неспособность Ганди к учёбе, тогда как в английской фразе мы видим *only* (только) и понимаем, что он был *всего лишь, не более чем* заурядным школяром.

Так или иначе, невольно напрашивается вопрос, даже не по поводу Ганди, а вообще: если человек учился плохо или посредственно, имеет ли он право браться за учительство? При этом я имею в виду человека, которому *не давалась* учёба, я ограничиваюсь теми случаями, когда человек не имел задатков к *приобретению знаний*, — ибо некоторые *индивиду* учатся плохо из-за лени или нежелания, выражающегося иногда в упрямстве или в дерзких выходках против преподавателей.

Мой вопрос сразу теряет силу, ибо меня тут же одёрнут: в стране огромное количество учебных заведений, начальных, средних и высших, не наберётся достаточно работников, в своей предыдущей ученической жизни получавших только отличные и хорошие оценки! Согласен, что так оно и есть; в школах и разнообразных училищах, которые теперь, для самообмана и дабы вводить в заблуждение обывателей, переименованы в колледжи, некоторые педагоги трудоустроены лишь бы заполнить вакансии... Оставив в покое школьных педагогов, переведу взгляд и указующий перст на *учителей* иного пошиба, известных мне по советскому времени: с грехом пополам получив аттестат о среднем образовании, они поступали в какое-нибудь послешкольное заведение, где сразу пристраивались *вести комсомольскую работу* или протискивались в профсоюзные деятели, потом они, не блиставшие знаниями и не всегда посещавшие занятия, ибо были заняты *общественной работой*, получали наравне с другими диплом, и, смотришь, — они заседают в местном правительстве, затем в Верховном совете или в числе министров, где их, уже вступивших в коммунистическую партию, ставили то сельским хозяйством руководить, то лёгкой или тяжёлой промышленностью, то направляли *культуру поднимать на высокий уровень*. Имеет ли право такой учитель, вышедший из посредственных учеников, поучать крестьян, как им землю пахать и коров доить, потом указывать писателям и художникам, как правильно писать романы и рисовать картины? Кто-то из таких брался поучать народ в своей стране и народы всей земли, как им жить, что им делать или не делать, что считать хорошим и что плохим.

В сборнике афоризмов, где, поистине, ты отыщешь что-нибудь на все случаи жизни, мне как раз встретилось уместное высказывание Оскара Уайльда: «Каждый, кто оказался неспособен к обучению, взял за привычку преподавать». В подлиннике, правда, не говорится о *привычке*, и вся фраза звучит короче и проще: «Everybody who is incapable of learning has taken to teaching» — то есть все неспособные к учению пошли учительствовать.

Уайльд высказался так, с привычной для него категоричностью, в очерке с названием *The Decay of Lying* — своего рода *сократическом диалоге*, где обмен мнениями между двумя собеседниками касается романтизма и реализма. Диалог издавался у нас под названием «Упадок лжи» в переводе С. Г. Займовского, и у него фраза о недоучках, взявшихся учить, передавалась более удачно, нежели в цитатнике, который попал мне в руки: «Всякий, кто неспособен учиться, берётся учить». Как и в случае с исповедью Ганди, я провожу сравнения и позволяю себе некоторую критику, дабы напомнить, что переводы не доносят до нас в полной мере содержание и идеи подлинников, и в сборники крылатых фраз и известных речений не всегда попадают лучшие переводческие варианты (и в печать не всегда идут лучшие произведения и переводы — по причинам, которые включают вкусовщину, групповщину и nepoтизм, известный также как кумовство).

Я невольно улыбнулся, увидев очерк Уайльда в недавнем переводе на украинский язык под названием «Занепад брехні». На восприятии, ничего не поделав, сказывается то, что в русском языке есть существительное *брехня*, которое в наших словарях объясняется, с пометами *простонародное* и *пренебрежительное*, как *пустые и лживые разговоры, вздор*. Русский глагол *брехать* используется по отношению к вралям и также к собакам: *собаки брешут*, то есть *лают*.



Обращаю внимание, что в английском названии стоит герундий (во многих случаях соответствующий русскому отглагольному существительному); если переводить буквально, *lying* — это *лгание*, существительное, которое мы находим в Словаре Академии российской с объяснением: *говорение неправды*. Русское *ложь* и украинское *брехня* не только звучат грубо, они вводят нас в заблуждение, будто Уайльд делится с читателем своими наблюдениями: в обществе стало меньше лжи, убавилось число лжецов, враньё пришло в упадок! В очерке молодой человек по имени Вивиан формулирует четыре доктрины *новой эстетики*, им придуманной, и в одной из доктрин он утверждает, что подлинная цель Искусства — *говорить красивую неправду*. Приведу для наглядного сравнения высказывание на языке оригинала: «*Lying, the telling of beautiful untrue things, is the proper aim of Art*». Так что, повторяю, автор, используя *lying*, не имеет в виду *намеренное искажение истины*, он защищает художественный вымысел, который, по его мнению, исчезает, уже исчез, ибо на смену романтизму пришёл реализм с его *правдивым* изображением действительности.

## 10

Довольно часто нам советуют: чтобы понять творчество такого-то автора, ознакомьтесь с его биографией, с фактами его жизни, с его пониманием творчества. Совет несостоятельный. Текст говорит сам за себя. Он должен быть понятен читателю без предисловия и послесловия, без сносок и примечаний, без отсылок к жизненным обстоятельствам сочинителя, к условиям, к эпохе, когда произведение создавалось. Если брать Оскара Уайльда, он прославился необычным, скажем так, поведением, вовлечённостью в скандалы, пребыванием в тюрьме. Но, удовлетворив своё любопытство по поводу личной жизни пишущего, связанное с нарушением общественных норм, мы остаёмся один на один с его текстами, и то, что мы узнали о нём, не помогает нам разобраться в каждом случае, когда он нарушает языковые нормы, прибегает к аллегориям, хвалит для виду то, что на самом деле порицает, — так Эразм Роттердамский взялся вроде как восхвалять глупость, тогда как его известный очерк создавался для её осмеяния.

А говорю я это, уже не в первый раз, к тому, что в более давних произведениях, нежели очерк Оскара Уайльда и исповедь Махатмы Ганди, в той классике, к которой относятся рассуждения Спинозы и тем более учения Платона с Аристотелем, при новых переводах, неизбежно предпринимаемых время от времени для того, чтобы *осовременить* их язык и *приблизить*, так сказать, к новым поколениям читателей, подлинник, изначально имевший не вполне точные определения и расплывчато высказанные идеи, также недосказанности и недомолвки в расчёте на понимание образованных современников, игру слов и всяческие *фигуры речи*, терял и терял смысл — появлялись ошибки, небольшие искажения со временем превращались в сильные, из неверно понятых и неверно переведённых слов складывались фразы, далеко отстоящие от первоначальных... Есть ли надобность рассуждать о том, что дошло до нас в искажённом виде?

Мы пребываем в заблуждении, мы успокаиваем себя ложными представлениями: мол, за перевод библейских текстов и древнегреческих классических произведений брались изначально и при каждом обновлении лучшие богословы и языковеды. Лучшие и, что немаловажно, независимые. Лучших очень мало, и даже им свойственно чего-то не знать, в чём-то ошибаться и где-то полагаться на личные дивинации и конъектуры. И кого, проживающего в обществе, привлечённого обществом для переводческой работы в ожидании результатов, угодных обществу, можно назвать независимым?

По прошествии лет бывает трудно разобраться с чем-то устаревшим в родном русском языке. В Словаре Академии российской, где я смотрел глагол *лгать*, в гнезде с означенным глаголом приводится однокоренное *отлыгать* с примером по употреблению, взятом из «Сказания об осаде Троицкого монастыря». Автор «Сказания», Авраамий Палицын, писал в первой четверти XVII века: «Сквозе бо весь град пред всеми прошедше, вы же отлыгаете». Для большинства сегодняшних людей, в том числе для меня, это набор старинных слов. В конце XVIII века достопочтенные любители русской словесности дали в своём академическом словаре следующее объяснение: *отлыгаю* значит «ложью стараюсь отринуть бывшее». Боюсь, что даже ознакомившись со словарным толкованием, мы всё равно не уяснили, о чём *глаголет* в данном случае достославный келарь Авраамий.

Кстати, я проверял источник, обратившись к «Сказанию о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах», как оно было напечатано в Москве в 1822 году: фраза с глаголом *отлыгать* читается так же, как в Словаре Академии российской. В советское время «Сказание» издавалось Пушкинским домом. В тщательно подготовленной публикации приводится подлинник и даётся перевод на современный русский язык, и по нему я тщился узнать, наконец, кто *отлыгал*, и что *отлыгалось*. Я не нашёл обсуждаемую фразу. Уважаемые литературоведы нового времени работали с другим списком «Сказания», считая его, видимо, более достоверным и надёжным, нежели тот, который не вызывал возражений и сомнений у прежних исследователей.

## 11

Возвращаюсь к словам Ганди с осуждением плохого почерка, точнее, с осуждением образования, хороший почерк не обеспечивающего. Я привёл отрывок из его школьных воспоминаний, но — отвечаю на справедливое замечание! — в нём о почерке ничего не сказано! Я не дочитал отрывок до конца. Я всё время отвлекаюсь. Позволю себе ещё немного задержаться: на мой взгляд, даже ознакомившись с малой частью *исповеди*, мы делаем некоторый *философский* вывод. Он напрашивается. И сей вывод — о двуличии, неизбежном в человеческих отношениях.

Ганди говорит, что ему даже в голову не пришло, он не мог себе представить («it was beyond me to see»), что учитель подталкивает его к списыванию. Ведь он (и любой преподаватель) требует от своих подопечных, чтобы те самостоятельно делали задания, чтобы те *думали своей головой*, он пресекает попытки списать, особенно на контрольных работах. Подросток в свои двенадцать лет не осознал, что преподаватель, строгий и требовательный по отношению к ученикам, должен показывать себя *с лучшей стороны* перед директором и перед любым проверяющим, то есть ему необходимо доказывать, даже прибегая к притворству и обману, что он умелый педагог, и дети в классе отлично знают его предмет. Если твой ученик делает ошибку в слове *чайник*, можно повернуть дело так, что ты *не научил* его писать правильно.

Помню по своей учёбе, как некоторые учителя, что называется, *зверствовали*, ставя безжалостно двойки за ошибки в примерах и упражнениях, в диктантах и проверочных работах; в первые годы обучения кого-то оставляли в школе после уроков: вот тебе дополнительное задание, сиди в классе, пиши, учи, запоминай, тренируй память, а если ты тупой, если у тебя мозгов не хватает, — прямо так, без *политкорректности*, и говорилось! — если ты тупой, тогда зазубривай, чтобы завтра, когда тебя вызовут к доске, ты бы знал всё *назубок*, чтобы у тебя ответы *от зубов отскакивали*. Когда школу собирались *проверить*, об этом директор узнавал заранее, его просто предупреждали, чтобы к проверке он и преподавательский состав должным образом подготовились, чтобы

школа не ударила в грязь лицом. Ибо проверяющие после инспекции будут отчитываться, в свою очередь, перед *вышестоящими инстанциями*, и им, проверяющим, хотелось бы доложить своему начальству не о плачевном положении в такой-то школе, хочется рапортовать о *достигнутых успехах*. Когда проверка приходила, учитель во избежание конфуза задавал вопросы тем ученикам, которые могли правильно и складно ответить, написать на доске что-то без ошибок, продекламировать с *выражением* заученное стихотворение... Особым случаем стал для меня экзамен по русскому языку в конце восьмого класса. Явившись в школу, мы ждали в коридоре. Мимо нас прошла учительница, не классный руководитель, не словесник, одна из тех, кто не вёл у нас никаких уроков, — думаю, в этом имелась определённая задумка: она нас не знает, и мы её не знаем, и всё происходит как бы случайно. Она несла пачку прямоугольных листков в руке, держала их напоказ, и нам нетрудно было догадаться, что это экзаменационные билеты. Учительница вошла в пустующий учебный класс, не в тот, где будет проводиться экзамен. Она вышла оттуда без билетов и удалилась. Она ничего не сказала или, может быть, только бросила кому-то многозначительный взгляд. Мы, сообразив (в отличие от несообразительного Ганди), кинулись смотреть билеты, оставленные вроде как без умысла на столе: под каким номером скрываются какие вопросы. Будучи в сильном волнении перед предстоящим экзаменом, я ещё сильнее разволновался, и, посмотрев суетливо несколько билетов, я не запомнил ни их номера, ни какие вопросы они содержали, и, по большому счёту, ни мне, ни другим восьмиклассникам не помогла эта попытка наших учителей улучшить положение вещей. Когда они, скажем так, сговаривались, им хотелось, чтобы мы *не осрамылись*, но дело было не в наших знаниях, а в том, что, если мы сдадим экзамен с *плохими показателями*, мы *посрамым* свою школу и педагогический коллектив.

## 12

Учитель намекал юному Ганди, чтобы тот, не зная, как пишется *чайник*, взглянул на грифельную доску соседа, и я без осуждения усматриваю в его действиях понятное желание не *ударить лицом в грязь* перед инспектором. Осрамившись, ученик осрамил и его. Во время беседы, состоявшейся после проверочной работы, преподаватель попытался объяснить школьнику, что тот поступил неразумно; он сокрушался не о том, что Ганди проявил свою неграмотность, он досадовал, что проверка выявила его личную *недоработку*, и ему не хотелось, чтобы подобное повторилось. Это пример двуличия, которое, я называю неизбежным, по крайней мере, в учебных заведениях.

Ниже Ганди пишет:

«Не знаю, откуда я взял, что хороший почерк вовсе не обязателен для образованного человека, и придерживался этого мнения до тех пор, пока не попал в Англию. Впоследствии, особенно в Южной Африке, я увидел, какой прекрасный почерк у адвокатов и вообще у молодых людей, родившихся и получивших образование в Южной Африке. Мне было стыдно, и я горько раскаивался в своей небрежности. Я понял, что плохой почерк — признак недостаточного образования. Впоследствии я пытался исправить свой почерк, но было поздно. Пусть мой пример послужит предостережением для юношей и девушек. Я считаю, что детей сначала следует учить рисованию, а потом уже переходить к написанию букв. Пусть ребёнок выучит буквы, наблюдая различные предметы, такие, как цветы, птицы и так далее, а чистописанию пусть учится, только когда сумеет изображать предметы. Тогда он будет писать уже хорошо натренированной рукой».

Такие вот рассуждения, основанные на жизненном опыте. Их можно пробежать глазами, не задумываясь, но если задуматься — почему бы нет, ведь мы читаем не байки

и сплетни от вранливых журналистов, мы, как говорится, ищем ответы на какие-то свои вопросы, обращаясь к исповедям и трудам известных мыслителей. И, задумавшись, я выбрал из текста то, что согласуется с моими взглядами. Я соглашаюсь с тем, что *хороший почерк вовсе не обязателен для образованного человека*. Правда, Ганди только по молодости так считал, потом он изменил своё мнение и *горько раскаивался в своей небрежности*. В подлиннике мы находим здесь существительное *neglect*, которое в данном случае значит *пренебрежение* (к чистописанию), а не *небрежность*.

Ганди был в целом прилежен, но он пренебрегал чистописанием. Отметим по ходу разговора, что в подростково-юношеском возрасте он не видел также необходимости в уроках физкультуры, считая, что физическая подготовка не имеет никакого отношения к образованию. Повзрослев, Ганди стал думать иначе, о чём он и сообщает: «I saw that bad handwriting should be regarded as a sign of an imperfect education». В русском издании словосочетание *should be regarded as* осталось без перевода; уточняю: Ганди понял, что плохой почерк *следует считать* показателем посредственного образования.

Мне не верится, что все или большинство адвокатов и молодых людей, *родившихся и получивших образование в Южной Африке*, имели *прекрасный почерк*. Благодаря чему, особым климатическим условиям? Все местные уроженцы обладали природной способностью и тягой к чистописанию? Дав волю фантазии, можно, конечно, предположить, что образование в британских колониях на юге Африки было поставлено таким образом, что педагогам удавалось, используя какой-нибудь педагогический приём, скажем, метод кнута и пряника, вышколить каждого ребёнка настолько, что, даже если ребёнок и не имел способностей, он, получая то кнут, то пряник, овладел искусством каллиграфии. Подозреваю, что Ганди просто неудачно выразился. Иной человек невольно сбивается на обобщения и преувеличения в беседе с кем-либо, в выступлении перед публикой, в газетной публикации; он или огульно нахваливает: *всё у нас замечательно, всё у нас имеется, всего хватает, каждый обеспечен, народ у нас добрый и честный, нам всем очень нравится*; или, наоборот, очерняет: *все мы живём в нищете и по уши в грязи, у нас повальная безграмотность, все у нас воруют, никто о нас не заботится, зарплату никому не платят...*

То, что в зрелом возрасте Ганди пересмотрел свои взгляды, отказался от детских представлений, закономерно. Но, по-моему, закономерен и следующий вопрос: если Ганди решил, что следует уделять серьёзное внимание чистописанию, если он осознал, что это существенный показатель образованности, почему бы ему не исправить свой собственный почерк?

Да, мы прочитали его признание, он *пытался улучшить*, но, по его словам, было поздно: «I tried later to improve mine but it was too late». Что значит *поздно*, почему? Возьми прописи, в которых на первой страничке имеются картинки с чёткими предписаниями: «Так держи ручку. Так проверяй, правильно ли держишь ручку. Так надо сидеть во время письма». Расположись, как указано, за столом, возьми ручку, как показано на картинке, и выводи по трафаретам линии — прямые и с закруглениями, прямые и с переходом на кружки; *набив руку* за несколько часов, приступай к аккуратному изображению букв. Тем более что теперь, будучи взрослым человеком, ты действуешь *осознанно*, ты, в отличие от ребёнка, поставил себе цель, и у тебя есть мотивация!

Мне кажется неубедительным объяснение, что человеку не удаётся научиться чему-то заново, переучиться, улучшить свои навыки по той причине, что он повзрослел. Он вырос, и ему остаётся горестно вздыхать: теперь поздно! Нет, следует говорить о том, что если у человека нет природных способностей к чему-то, к рисованию или пению, к спорту или иностранным языкам, это проявляется уже в детстве, и нет оснований надеяться, что такие способности вдруг появятся и разовьются в среднем возрасте или

к старости. А давать *добрые советы*, исходя из личных неудач, по-моему, есть вообще некоторое скудоумие. Мол, я учился посредственно, каким-то наукам вообще не уделял внимания, бегать, прыгать и играть в футбол у меня не получалось, чего-то ещё я не усвоил и не освоил, а вот подрастающее поколение, молодёжь, они пусть *наматывают себе на ус*, и «пусть мой пример послужит предостережением для юношей и девушек», так что вы, юноши и девушки, *обдумывающие жизнь*, чистописанием побольше занимайтесь, дабы потом локти не кусать, когда *станет поздно*.

Слова про *обдумывание жизни* сами собой пришли мне на память. Потому что я затверживал их когда-то в школе, чтобы на уроке литературы продекламировать на оценку стихотворение Владимира Маяковского, включённое в тогдашнюю программу школьного обучения. Пролетарский поэт советовал мне и всем советским подросткам брать пример с Ф. Э. Дзержинского, председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии, карательного органа, созданного большевиками для расправы над своими противниками. Означенный совет звучал весомо и напористо в известной *октябрьской поэме «Хорошо»* (1927 год):

Юноше,  
обдумывающему  
жизнь,  
решающему —  
сделать бы жизнь с кого,  
скажу  
не задумываясь —  
Делай её  
с товарища  
Дзержинского.

Если бы подрастающее поколение не просто слушало, а принимало к безусловному исполнению все советы, даваемые менторами, гувернёрами, пастырями, наставниками, воспитателями, вожатыми, вожаками и вождями... Даже невозможно представить, к чему бы это привело, во что вылилось и чем бы закончилось!

По-моему, нельзя не усомниться в здравомыслии человека, который советует до того, как учить ребёнка письму, усадить его за рисование. Мол, пусть он научится изображать предметы (to draw objects), только потом переходит к написанию букв: «Let him learn handwriting only after he has learnt to draw objects». Изобразить цветок, пожалуй, смогут многие дети, а вот птицу — далеко не каждый; в любом случае будет видно, что это *детские каракули*. Так что, пусть преподаватели направят все усилия на то, чтобы добиться от каждого ребёнка не каракуль, а красивых картинок, и только потом приступают к прописям? Нет, давайте не будем мудрить, пусть уж первоклассники *по старинке*, без предварительного рисования и с меньшими хлопотами осваивают прямые и кривые линии по расчерченным строчкам школьной тетрадки.

Ганди, как сообщают, получил в Лондоне юридическое образование, но почему-то не применил его ни в Англии, ни в Индии, ни в Южной Африке. Он втянулся вместо этого в политическую деятельность, в пропаганду и агитацию, он стал учить, как людям следует жить, за что и против чего бороться... Впрочем, я повторяюсь, мы об этом уже говорили выше. От советов и поучений Ганди, как я понимаю, индийскому обществу не было вреда. В Советском Союзе вред от тех, кто из недоучек переквалифицировался в учителя, был постоянный и существенный; вспомним хотя бы, как Н. С. Хрущёв велел отказаться от травополя и везде сажать кукурузу, даже там, где её никогда не выращивали в силу неблагоприятных географических и погодных условий, и где, как заранее было понятно

людям сведущим, она никогда не приживётся. Но что такое слово сведущего человека против командного нажима со стороны всеильного, почти единовластного партийного руководителя?

Чтобы не впадать в удручение от печальных воспоминаний о временах, которые, возможно, были худшими и подлейшими в истории России, чтобы заодно не затрагивать политику, предлагаю прочитать... Нет, снова не «Женитьбу Фигаро», а юмористический рассказ А. П. Чехова «Неудача». Он на тему неудачных аграрных опытов или уродливого государственного устройства? Нет, он на тему, которую мне никак не удаётся завершить, он о чистописании!

### 13

Происходит разговор между Наташенькой Пепловой и господином Щупкиным, преподавателем в уездном училище, и, как мы понимаем, он *добивается взаимности*. Родители Наташеньки подслушивают у дверей, они полагают, что вот-вот последует *объяснение в любви*, и тогда нужно действовать незамедлительно и решительно. Пеплов, отец, даёт наставления жене:

«— Смотри же, Петровна, как только заговорят о чувствах, тотчас же снимай со стены образ и идём благословлять... Накроем... Благословение образом свято и ненаруσιμο... Не отвертится тогда, пусть хоть в суд подаёт.

А за дверью происходил такой разговор:

— Оставьте ваш характер! — говорил Щупкин, зажигая спичку о свои клетчатые брюки. — Совсе я не писал вам писем!

— Ну да! Будто я не знаю вашего почерка! — хохотала девица, манерно взвизгивая и то и дело поглядывая на себя в зеркало. — Я сразу узнала! И какие вы странные! Учитель чистописания, а почерк как у курицы! Как же вы учите писать, если сами плохо пишете?

— Гм!.. Это ничего не значит-с. В чистописании главное не почерк, главное, чтоб ученики не забывались. Кого линейкой по голове ударишь, кого на колени... Да что почерк! Пустое дело! Некрасов писатель был, а совестно глядеть, как он писал. В собрании сочинений показан его почерк...»

Антон Павлович шутит, но подталкивает читателя к серьёзным размышлениям и выводам. Мы согласились, надеюсь, что нет нужды быть каллиграфом, дабы писать научные труды и художественные произведения, примером тому Пушкин с его неразборчивой *скорописью* — несмотря на занятия по восемнадцать часов в неделю, о чём нам сообщают с умилением доморощенные пушкиноведы. Теперь согласимся с господином Щупкиным, что человек, не будучи отличником по чистописанию, справится с составлением любовного письма, а Некрасову неказистый почерк не помешал сочинить множество стихов и стать классиком русской литературы. Щупкин прав и в том, что, по большому счёту, человек, который приставлен к школярам, который следит, чтобы дети выводили правильно прямые палочки и закручивали правильно крючочки, не обязательно должен быть мастером каллиграфии; так спортивные тренеры, не будучи сами олимпийскими чемпионами, готовят к победам будущих олимпийцев; хореографы, не будучи выдающимися танцорами, преподают с успехом в хореографических училищах... Пройдя курс чистописания под началом господина Щупкина, дети всё равно начнут писать каждый по-своему, в том числе очень коряво, в том числе путая прописные буквы с печатными. Битьё линейкой или иные дисциплинарные меры, вплоть до сечения розгами, никогда не способствовали *повышению знаний*. Замечу, что это также не *перевоспитало* ни одного прирождённого *нарушителя порядка*.

Вспомним свои школьные годы: кто-то из наших одноклассников, по выражению господина Щупкина, *забывался*. При этом были такие, которые, *забываясь*, не просто дурачились, проказничали, пусть даже кривлялись и обзывались; некоторые вели себя гадостно по отношению к учителям, подбивая на пакости остальных учеников, они поступали подло и с товарищами. Их выходки начинались чуть ли не с первого класса, и поначалу предпочитая гадить и вредить исподтишка, они по мере взросления уже и не скрывались, но становились наглее и развязнее. Они являлись на уроки, но сами не учились, а на уроках отвлекали учителя и мешали учиться другим. Далеко не каждый преподаватель способен *наводить дисциплину* и держать два-три десятка подростков в подчинении. Их, которые и сами не учатся, и другим мешают, надо бы обучить письму и арифметическому счёту, объяснить, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца, ознакомить с Уголовным кодексом, заостряя внимание на тюремных сроках, получаемых за такие-то правонарушения, и — освободить от дальнейшего посещения школы после третьего или четвёртого класса. А документ? Нет, выдать им, конечно, аттестат о *полном и законченном начальном образовании*. Если кажется, что определение *начальный* умаляет достоинство человека, назовите такое образование *базовым*, а хоть и *фундаментальным*. И пусть человеки, получив *фундаментальные* знания, идут зарабатывать деньги, *набивать руку* в полезных отраслях в качестве грузчика, доставщика, разносчика, каменщика, плотника, старателя, лесоруба... На полезные отрасли и профессии лоботрясы смотрят с презрением? У них есть возможность определиться вышибалой в ночном клубе, или охранником, или пособником при какой-нибудь тёмной личности — это его дело, лишь бы он не донимал преподавателей и не мешал тем детям, которые способны и имеют желание учиться.

Я уверен, что пусть не каждый, но тот или иной школьный учитель думает, порой впадая в отчаяние: выгнать бы такого-то лоботряса из школы! Но мы дожили до удивительного времени, когда школа не имеет права избавиться от тех, кто не имеет способностей к учению, и от тех, кто учиться не желает, и чьим воспитанием при необходимости должны заниматься полицейские и тюремные надзиратели, а не школьные наставники, большинство из которых в наше время — женщины.

В силу не вполне ясных соображений каждого гражданина решили наделить полным средним образованием — обманывая себя тем, что все в обществе равны, в том числе в умственных способностях, создавая видимость и втирая друг другу очки, будто количество лет, проведённых в стенах учебного заведения, и есть полноценное качественное приобретение знаний. Сегодня нерадивый отрок *обязан* учиться, а учителя обязаны его терпеть — разве это не надругательство над здравым смыслом?

## 14

Мы оставляем, наконец, чистописание и переходим к смыслу.

В заголовке была заявлена орфография, может быть, несколько необдуманно, ибо это отдельная большая тема, но, с другой стороны, мне казался слишком резким переход от знаков письма к мышлению, так что правописание могло стать промежуточной ступенькой. Теперь видно, что если взяться за обсуждение грамматических вопросов, хотя бы в общих чертах, моим рассуждениям и моему очерку не предвидится конца. Так что ограничусь ссылкой на уместное высказывание какого-нибудь любомудра. Если нашлась великая личность, сказавшая весомо о важности чистописания, наверняка были и есть великие личности со столь же авторитетным суждением о важности правописания. Почти сразу мне пришёл на память Бернард Шоу, предлагавший провести реформу английского языка по им изобретённому способу, весьма своеобразному, и Шоу наверняка изрёк что-нибудь капитальное на нашу тему. Вот, пожалуйста: «As to spelling the very frequent word

*though* with six letters instead of two, it is impossible to discuss it, as it is outside the range of common sanity».

Он изрёк, а нам разбирайся! Сделаю вольный перевод: в часто употребляемом слове *though* («хотя») шесть букв, тогда как хватило бы двух (ибо произносятся два звука). Подобную нелепость даже обсуждать бесполезно, ибо она за гранью здравого смысла. Кстати, я говорил об этом же — естественно, не претендуя на звание первооткрывателя, — когда останавливал ваше внимание на английском наречии *enough* («хватит», «достаточно») и существительном *thought* («мысль»). Не менее удивительная неувязка между произношением и написанием существует во французском; под рукой примеры из обычной жизни: русский человек, купив французский автомобиль, видит на его капоте надпись *Renault*, и гадает, почему по-русски машину называют *рено*, тогда как другой, купивший *пежо*, столь же озадачен, ибо его автомобиль украшен надписью *Peugeot*. Неудивительно, что у французских детей в диктантах больше ошибок, чем у наших школьников.

Я слышал, что Наполеон, когда писал что-то своей рукой, а не диктовал секретарю, делал орфографические ошибки чуть ли не в каждой строчке... К чему я вспомнил и подвёрстываю к обсуждению эти сведения? Проверая, насколько правдиво утверждение об отвратительном почерке французского императора, я посмотрел фотокопии документов, которые были написаны им собственноручно; глядя на них, Махатма Ганди сказал бы, что у Бонапарта явно *недостаточное образование*, я же, взглянув на них, убеждаюсь, что неумение писать без ошибок на родном языке, как и скверный почерк, не является препятствием на пути к успеху и даже всемирной славе. Кстати, сам Наполеон, видя, наверное, или подозревая, что окружающие кривятся и усмеваются, глядя на его неразборчивые малограмотные депеши, выразился в том смысле, что человеку, занятому важными делами, общественными или иными, не обязательно заботиться о правописании: «A man occupied with public or other important business cannot, and need not, attend to spelling».

Почему я привёл цитату по-английски? Я искал её на французском языке, но не нашёл. Вполне возможно, что высказывание кто-то придумал и приписал Наполеону — исходя из того, что тот делал многочисленные орфографические ошибки, но вот ведь, проложил себе дорогу к единоличной власти, стал императором, одержал множество военных побед. Очевидно, не мне первому приходит в голову мысль, имеющая подтверждение в виде образцов с почерками известных личностей, что человек с аккуратным почерком и знающий уверенно, как пишется каждое слово и где расставлять какие знаки препинания, не способен совершить что-либо выдающееся в политике и государственном управлении, и точно так же мы не дождёмся от него своеобразия и новизны в литературном творчестве и в гуманитарных исследованиях.

Предоставим, однако, англичанам и французам самим разбираться со своим удивительным правописанием; в русском языке дело не доходит до такого абсурда — до такой *несуразицы*, повторю я, дабы использовать русское слово вместо иностранного. У нас, даже если кто пишет, несмотря на полученное среднее образование, *карова* вместо *корова* и *агурец* вместо *огурец*, читателю понятно, что идёт речь о домашнем животном, дающем молоко, и о продолговатом овоще зелёного цвета.

Если человек, сочиняющий художественное произведение или составляющий научную статью, не желает прослыть безграмотным, если он настроен донести до публики свои мысли без участия редакторов и без вмешательства корректоров, напомним изречение Козьмы Пруткова, в коем наш известный любомудр тонко намекает на то, что некоторые слова хотя и произносятся одинаково, но имеют разное написание, и орфографическая ошибка влечёт за собой существенное искажение смысла: «Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее полоскать рот».



15

Я не считаю нужным беспокоить обывателей, досаждая им поучениями, как им следует говорить на родном языке, и настаивать, чтобы они выражались просто и понятно, чтобы они *следили за смыслом* того, что изрекают. А поучений звучит достаточно: кандидаты и доктора филологических наук, присоединяясь к обеспокоенным представителям общественности, сокрушаются, по крайней мере, когда их просят высказать свою точку зрения перед означенными представителями или выступить перед телевизионной камерой, о том, что в стране наблюдается *падение грамотности*, они *бьют тревогу* и советуют обратить внимание на *проблему снижения речевой культуры*, утверждая, что сия *проблема весьма актуальна*. Звучат не только горестные восклицания и сокрушённые вздохи, раздаются также боевые призывы *бороться за чистоту родного языка*. Время от времени власти то ли под давлением общественности, то ли по иным соображениям, нам неведомым, выделяют деньги из казны на означенную *борьбу*, к которой с готовностью присоединяются многочисленные организации и учреждения, чья деятельность заключается в непрестанной заботе о культурных ценностях, и одной заботой ограничивается; они надеются получить кусок пирога — извините, я хотел сказать, что они желают внести свой вклад в *решение проблемы*. Поскольку есть *проблема*, предлагаются способы её решения, и поскольку *стоят вопросы*, идёт *поиск ответов*. Как-то я услышал из уст филологического светила, участвовавшего в обсуждении этих самых проблем и вопросов, что перед людьми, которые *хотят действительно научиться пользоваться родным языком*, постоянно стоит задача... Я заинтересовался: какова же она? Такова: *надо научиться выражать свои мысли в соответствии со своим замыслом, в соответствии с адресатом, условиями общения*. Надо *что-то затемнять, что-то акцентировать*.

Полезный совет, вы не находите? Кто-то у нас пишет коряво, многие, несмотря на десять лет пребывания в стенах учебного заведения, делают ошибки в простых словах и не уразумели, где ставить знаки препинания. Если не получилось за десять лет, может, удлинить школьное образование на два-три годка? Ради чистописания с правописанием, и дабы научить всех, как *выражать свои мысли в соответствии с условиями общения*.

16

Не всегда удаётся выразить удачно свою мысль устно; иногда докладчик, имея сказать что-то дельное, *запутывается в словах*. Но у пишущего есть время подумать, он может вернуться через какое-то время к прежним записям, перечитать, что-то исправить и изменить, упростить то, что допускает двоякое толкование, чётче сформулировать свою идею. Казалось бы, все должны сразу согласиться, все, собственно, в первом порыве и соглашаются, что послание к читателям следует составлять в простой и понятной форме. Но после некоторых раздумий появляются оговорки. Наша установка не встречает полного понимания в среде писателей и деятелей культуры, которые возразят, что достаточное количество литераторов прославилось и даже попало в классики благодаря (или вопреки) тому, что они использовали слова, ими же придуманные или подвергшиеся коверканью, они пускались в сложные словесные построения, частично или полностью непонятные читающей публике. Нам приведут примеры: Джеймс Джойс с его *поток сознания*, Сэмюэл Беккет, который получил Нобелевскую премию за *новаторство* в области прозы и драмы; или возьмём Уильяма Фолкнера... Поскольку я читал «Улисса» и некоторые произведения Беккета по-английски, так как я пытался читать в оригинале те романы Фолкнера, в коих имеет место *ассоциативная когезия* (а не сумбур, как

показалось мне), поделюсь коротко своим соображением. Издревле призванием художника считалось создание гармонии; об этом столько сказано, что не стану утруждать себя повторением азбучных истин. Сошлюсь только на Александра Блока, объяснявшего:

«Что такое поэт? Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Он называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами, то есть приводит в гармонию слова и звуки, потому что он — сын гармонии, поэт.

Что такое гармония? Гармония есть согласие мировых сил, порядок мировой жизни. Порядок — космос, в противоположность беспорядку — хаосу...»

Иностранные авторы, названные мной выше, как и многочисленные их подражатели, в том числе в России, создают беспорядок, они, как сказал бы Блок, *сыны хаоса*. Не умея, наподобие Блока, высказываться велеречиво с использованием красочных фигур речи, сравню художественное создание хаоса с усердным возведением мусорных куч. «Шум и ярость» (The Sound and the Fury) Фолкнера, как и «Улисс» (Ulysses) Джойса, видится мне кучей более или менее очерченной пирамидальной формы, где вместо бумажных обрывков, щепок, кусков битого стекла и чего угодно — множество разнообразных слов и словосочетаний. Читателю предлагается ковыряться в собранном мусоре; и как есть личности с непреодолимой тягой к такому виду творчества, так имеются и личности, которые находят удовольствие в знакомстве с означенным творчеством — проведу сравнение с любителями рыться на настоящих свалках и в мусорных бачках, где они отыскивают что-либо, представляющее для них ценность.

Создавать подобные произведения, когда ты бросаешь в кучу всё, что пришло на ум, что возникло *ассоциативно* в твоём сознании, куда проще, нежели, взяв глыбу мрамора, старательно и усердно, долго и осторожно отсекай от неё всё лишнее, дабы сваять задуманный образ. Автором творческого метода, основанного на отсеке лишнего, считается Огюст Роден; вернее, у нас его называют автором изречения, в коем метод сформулирован. В итальянской подборке крылатых фраз с его же именем связаны и глыба мрамора, и отсечение того, что скульптору не нужно: «Scelgo un blocco di marmo e tolgo tutto quello che non mi serve» — где вместо русского глагола *беру* мы видим итальянское *выбираю*, и *лишнее* названо по-итальянски *ненужным*.

Французы с высказыванием своего земляка не знакомы; как-то я встретил французское соответствие, явно переведённое с иностранного языка: «Je choisis un bloc de marbre et j'en retranche tout ce dont je n'ai pas besoin». Нечто подобное приписывают и великому скульптору Микеланджело, который якобы объяснял суть творчества следующим образом:

Tu vedi un blocco,  
pensa all'immagine:  
l'immagine è dentro,  
basta soltanto spogiarla.

Что в переводе: ты видишь глыбу, подумай об образе; образ внутри, осталось только обнажить его. Глагол *spogliare* значит *раздевать*, *обнажать*; если означенные глаголы смущают целомудренных особ, можно передать совет скульптора по-иному: *сними с образа покров*.

Даже русский поэт Маяковский, чьи словесные построения кажутся порой хаосом, из огромного количества существующих слов кропотливо отбирал те *граммы*, которые лучше всего подходят в каждом отдельном случае:

Поэзия —  
та же добыча радия.  
В грамм добыча,  
в год труды.  
Изводишь  
единого слова ради  
тысячи тонн  
словесной руды.

По большому счёту, нет нужды разбираться и устанавливать, кто первый или кто именно определил суть творчества, она испокон веку известна: создавай гармонию, отсекай лишнее, избавляйся от того, что не способствует выявлению образа, что не играет на сюжет и ничем не помогает выразить идею. Красочный вымысел всегда привлекал и до сих пор привлекает слушателей и читателей, он обеспечивает художественному произведению долголетие. Оскар Уайльд сетовал, что в конце XIX века авторская фантазия приходит в упадок, отступает перед засильем реализма с его требованием опираться на факты и отображать *подлинную* жизнь. Что бы он сказал, дожив до времени, когда нормой стало создание мусорных словесных куч, и определённое количество литераторов, художников и критиков отмахиваются: нет нужды ни в теме, ни в идее, ни в мотивации, ни в логической последовательности; похерим знаки препинания и заглавные буквы, рифмы и стихотворные размеры — всё это лишняя головная боль, никчёмные усилия и бесполезные мучения пушкинского героя, так и не научившегося отличать ямб от хоря... Вам непонятен смысл очередного романа с его *ассоциативной когезией*, вы называете мазнёй батарею чёрных, оранжевых, зелёных, жёлтых и прочих *квадратов*, вывешенных в модной галерее? Значит, вы не доросли до понимания современного искусства!

## 17

Выберем отдельное высказывание, хотя бы из тех афоризмов и поговорок, которые прозвучали выше в моём очерке, или прочитаем отрывок из любой книги. Дадим себе и остальным участникам время на обдумывание, предоставим каждому высказаться. После того как состоялся обмен мнениями, по идее, мы должны согласиться: высказывание имеет смысл или не имеет его, отрывок от начала до конца понятен или что-то в нём неясно. Например, русская пословица «Копейка рубль бережёт» и её английское соответствие «Take care of the pence and the pounds will take care of themselves»... Впрочем, отзываю пример, ибо он является *окольным выражением*, как сказал бы В. И. Даль, *переносной речью*, и по поводу всего окольного, объездного и непрямого, как и по поводу переносного, мнения могут разойтись, даже значительно, и не исключено, что кто-то, пословицу слышавший, честно признается: я не понимаю, о чём она.

Беру другой пример. В Ветхом завете написано: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2:7). Многие верили, кто-то до сих пор верит, что появление человека на земле произошло именно так; кто-то приведёт иное объяснение, но все стороны, включая меня, согласятся, что утверждение понятно от начала до конца, оно осмысленное, его, запомнив, не составляет труда пересказать слово в слово или *своими словами* вторым лицам. Чуть выше в Синодальном переводе, во второй главе той же книге Бытия, мы читаем: «Так совершены небо и земля и все воинство их» (Быт. 2:1). О каких-либо воинах до этого не говорилось, мы начинаем гадать: что такое, какое воинство? Гадания ничего не дадут, так

что не будем тратить впустую время. Сравнив Синодальный перевод с Елизаветинской Библией, мы придём в ещё большее смущение, ибо вместо *воинства* обнаружим *украшение*: «И совершишася небо и земля, и все украшение их». Дальнейший *сравнительный анализ* не выводит из тупика: в канонической англиканской Библии мы находим в этом месте существительное *hoste* (в нынешнем написании *host*): «Thus the heavens and the earth were finished, and all the hoste of them». И опять: бесполезно выдвигать и обсуждать догадки, и будет пустой тратой времени листать академические словари, пытаясь выяснить значение *host* — из нескольких имеющихся то, которое здесь *подойдёт*, потому что в других переводах Ветхого завета на современный английский язык вместо *host* используется совсем другое слово, тоже многозначное, а именно *array*: «Thus the heavens and the earth were completed in all their vast array». Обратиться к богословам и библеистам? Нет, обращаться к ним мы не станем, ибо результат предсказуем: к нашим гаданиям добавятся их конъектуры и дивинации, и мы заплутаем в дебрях, из коих нам никогда не выбраться на прямую тропинку. Проще согласиться, что обсуждаемая фраза не имеет смысла. *Проще* — не то слово, заменяю его другим прилагательным: *разумнее*.

## 18

В своё время, работая редактором, читая рукописи, в том числе имеющие отношение к философии, я решил если не ликвидировать, то сделать менее зияющими пробелы в своём философском образовании. Прежде других я взялся читать Аристотеля, а именно его «Поэтику», полагая, что он давно объяснил суть, законы и методы художественного творчества, и ознакомление с «Поэтикой» благотворно скажется на моём редактировании, прежде всего, сделает более профессиональным, скажем так, мою оценку того, что люди пишут и предлагают к опубликованию. По какой-то причине при чтении означенного труда я не нашёл ответов, которых искал, у меня стали возникать новые и новые вопросы, уже к Аристотелю, и я, далеко не всё поняв, подумал: похоже, что рассуждения знаменитого философа, существуют сами по себе и не соотносятся с известными произведениями искусства.

Что касается истории философии, мне не хотелось возвращаться к пособиям своей университетской поры, поскольку они, составленные в советское время, однобоко утверждали первенство одного учения, а именно марксизма-ленинизма, объявленного единственно верным, неоспоримым, неопровержимым — венцом философских исканий; я использую *венец* не в смысле *венок*, *корона*, *нимб*, а в смысле *наивысшее достижение*, как в следующем понятном, но спорном утверждении: «Человек — венец творения». Я обратился к Людвигу Фейербаху, к его «Истории философии», напечатанной в собрании сочинений, изданном в 1967 году издательством «Мысль». Мне подумалось, что человек, который сам является признанным философом, лучше других понял предыдущие учения и, понимая, изложил их со знанием дела в доступной форме.

Нет возможности и нет нужды обсуждать в полном объёме фейербаховский обзор философии, переведённый с немецкого на русский язык и включённый в первый том означенного собрания сочинений. Поскольку выше я упоминал Спинозу, продолжу разговор со ссылкой на его миропонимание и в качестве примера беру общие принципы — повторяю, как их изложил Фейербах, или, лучше сказать, как они переведены и напечатаны по-русски:

«*Определения*. 1. Под *причиной* себя самого я разумею то, *сущность* чего заключает в себе *существование* или *сущность* чего не может быть мыслима иначе как существующей. 2. *Та вещь* называется *конечной* в своём роде, которая может быть ограничена другой того же рода или той же природы. Так, например, тело называется

конечным, поскольку мы всегда можем представить себе ещё большее. Так, мысль ограничивается другой мыслью. Но тело не ограничивается мыслью, и мысль не ограничивается телом. 3. Под *субстанцией* я разумею то, что существует *само в себе* и *через себя мыслится* или *понимается*, то есть то, *понятие* чего не нуждается в *понятии* другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться. 4. Под *атрибутом* я разумею то, что разум понимает о субстанции как составляющее её сущность, или как сущность субстанции. 5. Под *модусом* (способом, определённою или характером) я разумею *состояние* субстанции или то, что существует в другом, через что оно также мыслится или понимается. 6. Под *богом* — *абсолютно бесконечное* существо или *субстанцию*, состоящую из *бесконечных атрибутов*, каждый из которых выражает *вечную* и *бесконечную сущность...*»

Остановившись, я подумал: в том, что здесь напечатано, нет смысла.

Перечитав сейчас заново, я остаюсь при том же мнении, но выскажусь по-иному: лично мне смысл неясен. Вероятно, он есть, ведь издательство «Мысль», то есть люди, готовившие книгу к печати, ознакомившись с произведением Фейербаха, точнее, с переводом его лекций на русский язык, всё в них поняли, у них не возникло каких-либо сомнений и возражений, и они решили, что переводной труд достоин того, чтобы быть напечатанным в серии «Философское наследие». Издание, судя по всему, не показалось бесполезным и не вызвало отторжения у других читателей — которые лучше меня разбираются в философских размышлениях и улавливают их суть, может быть, умея к напечатанному домысливать нечто, имеющееся *между строк*.

Не уразумев того, что изложено в «Определениях», я приступил к «Аксиомам», согреваемый надеждой, что в этой части мне всё будет понятно, ибо будут предоставлены истинные положения, не требующие доказательств. Со школьной скамьи я помню некоторые геометрические аксиомы, истинность которых мы, школяры, проверяли, хотя в случае с аксиомами это и не требуется: мы ставили в тетрадке точки и проводили через них линии с помощью линейки, убеждаясь, что «Через любые две точки можно провести прямую, и только одну» и «Любые две точки можно соединить отрезком, притом только одним».

Аксиомы Спинозы оказались не столь доступными для понимания, и, как я подозреваю, их не удастся изобразить в виде чертежа:

«1. Всё, что существует, существует или *в себе*, или *в другом*. 2. То, что не может быть понято через *другое*, должно быть понято само *через себя*. 3. Из определённой данной *причины* *необходимо* следует *действие*, и, наоборот, если не дано определённой причины, то невозможно, чтобы последовало действие. <...> 6. *Истинная идея* должна *согласоваться с её предметом...*»

Конечно, при необходимости можно затвердить означенные *аксиоматические*, то есть бесспорные утверждения, зазубрить их по пунктам, не предаваясь осмыслению. Но есть ли необходимость?

## 19

Если у читателя есть возражения, желательно не давать волю чувствам, не расходовать на восклицания: что за ахиня, какая-то галиматья! — а чётко сформулировать вопрос и высказаться — по существу и конкретно о таком-то постулате автора, в данном случае Фейербаха... Или Спинозы? Или следует обращаться с вопросами к переводчику? В примечаниях к первому тому сказано, что работы Фейербаха, вошедшие в собрание сочинений, «выполнены по изданию В. Болина и Ф. Иодля. При подготовке переводов к печати они были сверены с оригиналом и сопоставлены с текстом первого издания». Мне не удалось разобраться, кто именно переводил «Историю философии

нового времени», откуда я зачитывал только что отрывки. Но, видимо, заявление от редакции должно успокаивать и вселять уверенность в том, что «История» не имеет *тёмных мест*, ибо произведение в издательстве «Мысль» было *сверено* и *сопоставлено* с немецким подлинником. Если даже после сверки и сопоставления какой-то читатель не может что-то осмыслить, значит, у него недостаточно умственных способностей, и вместо *философского наследия* пусть читает что-нибудь попроще.

У меня не получается как раз то, что требуется от критика: высказаться по существу по поводу отдельных суждений в «Истории» — в силу всецелого непонимания... Только тогда, когда зашла речь о *состояниях атрибутов и способе действия бога*, возникшее у меня неприятие облеклось в более-менее конкретную форму. Утверждается — уж не знаю, Спинозой или Фейербахом, лучше тогда говорить: в «Истории философии нового времени», как она выпущена издательством «Мысль», напечатано следующее:

*«Всё, что есть, в боге, и ничто не может ни быть без бога, ни мыслиться без него. Всё выражает определенным образом сущность бога. Способность или внутренняя естественная сила каждого существа есть сила самого бога <...>. Бог же действует (или деятелен) только по законам своей природы и никем не принуждается. Поэтому один бог есть свободная причина...»*

Невольнo возникло сопоставление с известной библейской аксиомой: «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Иоанн 1:3). Спиноза доказывает нам существование Бога? Но это не требует доказательства, как не требуется доказывать, что есть добро, зло, правда, ложь, истина и множество других отвлечённых понятий. Священнослужители, богословы и люди верующие в сложных доказательствах Спинозы не нуждаются. В целом вера во что-либо не предполагает, чтобы предмет веры осмысливался и обсуждался, чтобы подвергался философскому анализу. А ежели Спинозу или кого угодно одолевают сомнения, опять же, читай псалмы, молитвы, обратись к священнику в ближайшей церкви; вот совет Иоанна Кронштадтского на этот случай: «Если усомнишься когда-нибудь в Боге или в догмате Пресвятой Троицы, вспомни краткое церковное славословие: *слава Отцу и Сыну и Святому Духу, всегда, ныне и присно и во веки веков*». У меня возникло и остаётся ощущение, что Спиноза не мироздание осмысливает и не человеческие отношения, а предаётся *славословию*, только в очень сложной и затейливой форме, тогда как для верующих и на этот счёт имеется, предсказуемо, давнее предписание лишних затей избегать: «Да будет слово ваше: *да, да; нет, нет*; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5:37).

Английский поэт Александр Поуп (1688–1744) в своём «Опыте о человеке» (An Essay on Man) в двух строчках выразил то, что я пытаюсь выговорить прозой: познай себя, не старайся проникнуть в суть Бога; человеческому изучению подлежит человек.

Know, then, thyself, presume not God to scan;  
The proper study of mankind is man.

Нынешнему поколению «Опыт» знаком в переводе В. Б. Микушевича, где нужное нам двустишие передано следующим образом:

Вотще за Богом смертные следят.  
На самого себя направь ты взгляд.

Я повторяю, может быть, даже слишком часто и назойливо, что слова, речи, писания, дошедшие до потомков в обновлённом виде, то есть в переложении на современный язык, и до иностранцев в переводах, не передают в точности подлинник,

местами искажают его. Махатма Ганди в своих воспоминаниях, не таких уж давних, высказывается простым слогом и использует повседневные слова и обиходные выражения, но даже его простой рассказ имеет мелкие неточности и ошибки в русском варианте. Что тогда говорить о достоверности древних письменных памятников — я имею в виду достоверность того текста, который мы имеем сегодня, текста, который подвергся многократным переводам, язык которого многожды *осовременивался*. Мы только что видели в разных изданиях Ветхого завета разночтение в пределах одного предложения, где сообщалось о сотворении неба и земли вкупе то ли с их *воинством*, то ли с их *украшением*.

В своём «Опыте о человеке» Александр Поуп даёт указание читателю, слушателю, каждому смертному в повелительном наклонении: «*presume not God to scan*», то есть не посягай на постижение Бога, не дерзай, не пытайся постигнуть его! По-русски Микушевич отнюдь не предостерегает, он сообщает о бесполезном созерцании: смертные *следят* за Богом вотще. Повеление и повествование — два разных грамматических наклонения, и существительные *постижение* и *слежение* даже не синонимы.

Я держал в руках книгу, изданную в Москве в 1763 году, с весьма любопытным заголовком на обложке: «Опыт о человеке, господина Попия, переведен с французского языка Академии Наук Конректором Николаем Поповским 1754 года. Второе издание. Москва, 1763».

Господин Попий (с ударением на второй слог) — это наш, вернее, английский поэт Поуп (Pope). Обращаю внимание на немаловажную деталь: Поповский работал не с английским подлинником, а с французским переводом, имелось промежуточное звено, и сей факт не мог не сказаться на передаче смысла. *Конректор* значит *помощник ректора*. Занимая высокую должность не лишь бы где, но в Академии наук, Поповский, тем не менее, проявил явную неспособность передать точно и сжато мысли, заложенные в иностранном тексте. Николаю Поповскому потребовалось в два раза больше слов, чем Поупу, чем было у Поупа; сколько их во французском издании, я не знаю и не беру на себя труд выяснять, ибо это сути дела не меняет, мы вникаем в смысл того, что напечатано.

Престань испытывать судьбы Творца вселенной,  
Не может их отнюдь понять твой ум стесненной.  
В познании себя препроводи свой век:  
Наука смертному есть тот же человек.

Здесь использовано повелительное наклонение: *перестань испытывать!* Только Александр Поуп настаивал на другом: не тщишься понять! По версии Поповского, смертные уже какое-то время занимались тем, что *испытывали судьбы Творца вселенной*, и от них требуется сие занятие оставить. Переводчик *от себя* назвал человеческий ум *стесненным*. Ладно, но чего мы не можем осилить своим умишком? К существительному *судьбы* (во множественном числе) требуется объяснение: во-первых, ударный слог второй, последний, и здесь *судьба* значит не *участь*, а *промысел*, как в следующем книжном изречении: «Судьбы Божия неизповедимы».

Русский переводчик (возможно, вслед французскому) вводит в текст какую-то науку, при этом призывает смертных, чего не было в подлиннике, проводить весь свой век, то есть тратить всю жизнь на познание самого себя.

Четверостишие нелепо. Не хочу ли я сказать то же самое о философии Спинозы? Когда я читаю что-либо, мне непонятное, я испытываю досаду, и меня тянет на нелестные отзывы, но следует успокоиться и рассуждать здраво: для обоснованной критики в данном случае нужно обратиться к подлиннику, написанному Спинозой на латыни — на той

разновидности *мёртвого языка*, который он выучил, который, добавлю, не был его родным языком, на котором вокруг него никто не говорил, на котором он не мыслил. Нужна уверенность, что Фейербах был хорошо знаком с той латынью, на которой писал Спиноза, и он, Фейербах, правильно понял и правильно передал по-немецки всё, Спинозой написанное. И потом нужно разбираться, правильно ли русский переводчик понял Фейербаха, и передал ли он точно все его сложные философские рассуждения — не так, как Николай Поповский из Академии наук, познакомивший русского читателями с «Опытом о человеке» Александра Поупа.

## 20

Можно принять за аксиому, что человеческие попытки понять Бога тщетны, поползновения объяснить его замыслы и деяния обречены на неуспех. И в Библии, естественно, об этом говорится, например, в послании апостола Павла «К римлянам»: «Непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему» (Рим. 11:33-36). Так что Спиноза, чьи рассуждения передаёт Фейербах, занимался бесполезным делом и, скажем так, брал на себя слишком много, объясняя долго, многословно и сложно то, что, по сути, непостижимо, неисследимо, непознаваемо — что объяснению не поддаётся и, с точки зрения Церкви, даже не подлежит.

Посудите сами:

«Бог действует не по намерению или ради какой-либо *цели*, ибо вечное и бесконечное существо, именно бог, или природа, действует по той же необходимости, по которой оно существует. Именно подобно тому как его *существование необходимо* следует из его *сущности*, так же необходимо *из него* вытекает и его *действие*. Поэтому причина или основание, в силу которого бог *действует*, и причина или основание, почему он *существует*, *одни и те же*. Таким образом, как он *существует не ради какой-либо цели*, так он и *действует не ради какой-либо цели*, но как его *существование*, так и его *действие* не имеют *никакой цели и основания*».

Или рассуждения подобного рода вполне вписываются в то, что называется религиозной философией? Выше я высказал своё мнение: религия в философствованиях не нуждается, она стоит на *слепой* вере в непреложность всего, что исходит от Церкви. Конечно, можно делать вид, что *вещи несовместные* совместимы; но всё же, на мой взгляд, есть черта, отделяющая философию от богословия... Впрочем, будучи филологом, я ограничу свои рассуждения филологией, даже, скажем так, грамматикой. И подведу итог: не имеет значения, какой у человека почерк. Чрезмерное внимание к чистописанию и забота о правописании отвлекают от творчества. Можно простить человеку орфографические ошибки, был бы смысл в его высказываниях — в тех, уточняю, которые являются плодом его раздумий, которые он доверяет бумаге и предаёт гласности; если вы обращаетесь к публике, в том числе предлагая ей ознакомиться с вашими философскими взглядами, ваши рассуждения и доводы должны быть понятны не только узкому кругу *посвящённых*, но и обычным слушателям и читателям. Другое дело, согласятся ли они с вашими воззрениями и признают ли ваши доводы убедительными.



## Литература

- Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря. Изд. 2. — М., 1822.  
Словарь Академии российской. — СПб., 1789–1794.  
Фейербах, Людвиг. История философии. Т. 1. — М., 1967.  
An Essay on Man and Other Poems by Alexander Pope. — London, 1829.  
Gandhi. An Autobiography: The Story of My Experiments with Truth. — Boston, 1957.  
Wilde, Oscar. Intentions. — London, 1891.

## References

- Skazanije o osade Troitskago Sergijeva monastyria [The Story of the Siege of the Troitse-Sergiyev Monastery]. Second ed. Moscow, 1822.  
Slovar Akademii Rossijskoj [Dictionary of the Russian Academy]. St. Petersburg, 1789–1794.  
Fejerbakh, Ludvig. Istorija filosofii [A History of Philosophy]. Vol. 1. Moscow, 1967. (In Russian)  
An Essay on Man and Other Poems by Alexander Pope. London, 1829.  
Gandhi. An Autobiography: The Story of My Experiments with Truth. Boston, 1957.  
Wilde, Oscar. Intentions. London, 1891.

## Handwriting, Spelling, Sense

*Vasilyev K. B.*,  
editor-in-chief, Avalon Publishers, St Petersburg,  
[avalon-edit@yandex.ru](mailto:avalon-edit@yandex.ru)

**Abstract:** The author of the essay, a linguist, argues that a certain part of the so-called wise sayings and quotes are mere platitudes. Some of them are believed to be indisputable truths but they make no sense; among false assertions are the well-known statements “There is no rule without exceptions” and “The exception proves/confirms the rule”. One of the famous quotations, namely Gandhi’s statement that “Bad handwriting is a sign of an imperfect education” is dealt with separately and extensively. The author thinks that schoolteachers’ efforts are to little avail if the student has no talent for calligraphy and spelling (as well as for other subjects). The priority of sense is contended with regard to all statements including philosophical ones. The author draws on Gandhi’s “Autobiography” and Oscar Wilde’s “The Decay of Lying” and their Russian translations to show that foreign texts reach the Russian reader with the meaning/message of the original more or less distorted. The Russian translation of Ludwig Feuerbach’s exposition of Spinoza’s philosophical views is subjected to criticism.

**Keywords:** aphorisms, abstract conceptions, handwriting, Mahatma Gandhi, school education, spelling, Spinoza, Feuerbach, sense, An Essay on Man.